

Алексей Борисов

В
И
З
А
Н
Т
И
Е
Ц

Возвращение
аотаря
Святовита

Алексей Николаевич Борисов
Возвращение алтаря Святовита
Серия «Ведунская серия (АСТ)»
Серия «Византиец», книга 4

текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Предприимчивые предки Дистергефта Петера Клаусовича ещё в начале прошлого столетия перебрались с семьями из разорённой Швабии в гостеприимный Крым, поселившись недалеко от Судакской крепости. Россия приняла их, а прапрадед Петера, бомбардир Макка фон Лейбериха, прибыв на двери строящейся кирхи пожелтевшую газетную вырезку с манифестом Александра, воскликнул:

– Отныне наша земля здесь! Да будет мир на этом месте, так повелел бог Саваоф!

С тех пор сыновья и внуки дедов исправно служили новой родине, весьма успешно сражаясь во всех войнах, которые вело Отечество, поставляя ему верных солдат. А уж из пушек как палили – одно загляденье. И повелось со времён обороны Севастополя, после введения всесословной воинской повинности, когда было разрешено принимать в училища лиц всех сословий, мальчики Дистергефты, достигнув четырнадцати лет, отправлялись постигать искусство артиллерийской стрельбы,

гордясь шапкой пушкарей с чёрным бархатным околышем, обшитым красной выпушкой. Казалось, ничто не изменит традиции и порядки. Однако события семнадцатого года перечеркнули весь вековой уклад жизни мужской части семьи...»

Содержание

1. Домик в лесу	5
2. Привет из прошлого	99
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Алексей Борисов

Возвращение алтаря Святовита

«Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть».
Отто фон Бисмарк

1. Домик в лесу

Предприимчивые предки Дистергефта Петера Клаусовича ещё в начале прошлого столетия перебрались с семьями из разорённой Швабии в гостеприимный Крым, поселившись недалеко от Судакской крепости. Россия приняла их, а прапрадед Петера, бомбардир Макка фон Лейбериха, прибыв на двери строящейся кирхи пожелтевшую газетную вырезку с манифестом Александра, воскликнул:

– Отныне наша земля здесь! Да будет мир на этом месте, так повелел бог Саваоф!

С тех пор сыновья и внуки дедов исправно служили новой родине, весьма успешно сражаясь во всех войнах, которые вело Отечество, поставляя ему верных солдат. А уж из пушек как палили – одно загляденье. И повелось со времён обороны Севастополя, после введения всеобщей воинской повинности, когда было разрешено принимать в училища лиц всех сословий, мальчишки Дистергефты, достигнув четырнадцати лет, отправлялись постигать искусство артиллерийской стрельбы, гордясь шапкой пушкарей с чёрным бархатным околышем, обшитым красной выпушкой. Казалось, ничто не изменит традиции и порядки. Однако события семнадцатого года перечеркнули весь вековой уклад жизни мужской части семьи.

Петер Клаусович в это время только окончил Михайловское артиллерийское училище, получил чин прапорщика и волею судеб встретил революцию в самой её колыбели. Вековые устои государственности рушились, и с отречением царя Петер, как и многие офицеры, оставил службу. Здесь он познакомился с Владиславом Иосифовичем Равдоникасом, который и заразил юного потомственного артиллериста археологией. Подражая своему приятелю, Петер поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, с уважением отнёсся к идеям большевиков и, проучившись пару семестров, вскоре оказался на Карело-Финском фронте, в должности командира артдивизиона. Тут и начались у него неприятности, связанные с но-

вой властью, преследовавшие его всю последующую жизнь. Этот день, когда он оказался на волосок от смерти, бывший прапорщик запомнил от и до. В апреле восемнадцатого финны захватили часть Кемского уезда. Отряды рабочих должного сопротивления не оказывали, стрелять толком не умели, а солдаты возвращались в траншеи, когда лишь выдавали водку. Девятнадцатого числа наступил переломный момент. Всем стало понятно – Советам не удержаться. Петер слал делегатов связи в штаб каждые два часа. Снабжение практически отсутствовало. Снарядов к его четырём гаубицам не подвозили и даже не обещали. Зато агитационная работа велась в полном масштабе. На ней и держалась видимая дисциплина. К двум пополудни на их участке фронта белофинны пошли в атаку. Комиссар примчался к батарее, вывалил бутыл самогона на одиноко стоящий рядом с лафетом первого орудия снарядный ящик и вместо долгих панегириков революции, принялся командовать:

– Стлеяйте! Стлеяйте быстрее!

– Нечем, вашблагородие, – ответил по привычке заряжающий.

– Как нечем? А вот!

Солдаты перестали обращать на комиссара внимание и пустили бутыл по кругу. На крики из блиндажа вышел не выспавшийся Петер. Протёр глаза и уставился на крикуна в кожаном реглане. С минуту он разглядывал его, а затем сплюнул себе под ноги, разворачиваясь обратно.

«Этот ничего путного не привезёт, – подумал он про себя, узнав комиссара, – и ведь не объяснишь придурку в кожанке, ставленнику самого Фишмана, для чего потребны дымовые пристрелочные, а ещё говорили, что при банке работал, образованный. На пушечный выстрел таких грамотеев к батарее подпускать нельзя. Да где только этот выстрел взять? Зря разбудили».

Прибывший представитель революционной власти поначалу окликнул артиллериста, и, видя полное пренебрежение к себе, скорчил от недовольства рожу, отчего запачканный в саже нос удлинился и он стал похожим на чёрта, в точности как на картине Пахера. Более того, как только комиссар выпучил глаза и надул толстые губы, сходство вышло прямо мистическим. Брызжа слюной, плохо проговаривая слова, он стал орать:

– Что вы вылупились на меня? Дгужков с той стогоны поджидаете? Сука! К огудию!

Все призывы потонули в громком солдатском смехе, тогда, вытащив маузер и указав стволом на ящики, он визгливо, с уже просящими нотками в голосе проскулил:

– Стлеяйте! Они сейчас будут здесь!

Дистергефт отказался, причём совершенно не литературным языком, в результате чего схлопотал пулю прямо в голову. К счастью Петера, криворукий стрелок лишь оцарапал кожу на его макушке, а когда он очнулся, то комиссара и след простыл. Возле брошенных орудий никого не было. Конту-

женный, с залитым кровью лицом, Петер Клаусович решил, что игры в революцию окончены.

В Питер он попал под Новый год. Через старых друзей получил все необходимые справки. И уже героем Гражданской войны, демобилизованным по состоянию здоровья, восстановился в университете. Окончив учёбу, дипломированный историк пристроился работать в архиве, попутно делая переводы для иностранной прессы. Шли годы, Петер женился – неудачно. Супруга наградила букетом болезней, от которых с трудом доставал лекарства. Но бог миловал, здоровье вернулось, а жена, в кокаиновой эйфории, сиганула с моста на бричке вместе с любовником. Тел так и не нашли, да и не искали наверняка. Оставшись один, Дистергефт принялся разыскивать родных. Слал запросы, писал письма, интересовался у знакомых и просто у людей, которые бывали в Крыму. О судьбе родственников он узнал лишь в середине тридцатых. Вести были утешительные. Отец с двумя сёстрами сумели перебраться в Штутгарт, а оттуда на юго-запад Вюртемберга. Разыскать их помог Владислав Иосифович, который и забрал Петера из архива к себе. Потом были экспедиции, раскопки, работа с документами, непродолжительные романы, радости и огорчения. В сороковом году, совершенно случайно, в Псковском кремле, он наткнулся на ещё не изученные записи Дерптского епископа. Это была сенсация. В какой-то Самолве, на берегах Чудского озера, семьсот лет назад, правил выходец из Швабии. И не абы

кто, а сын императора Фридриха Гюнтер Штауфен. Петер пошёл на должностное преступление, скрыл от коллег первоисточник и стал по крупицам собирать информацию. Чем больше её скапливалось, тем невероятнее становились факты, ставившие Гюнтера в когорту величайших учёных того времени. Оставалось систематизировать данные и готовиться к защите. Докторская диссертация была не за горами, когда в начале лета возле здания университета он заметил того самого комиссара из восемнадцатого года. Постаревшего, обрюзгшего, но тем не менее его. Редко кто может запомнить своего несостоявшегося убийцу. Дистергефта прошиб пот, занял шрам на голове и, не помня себя, он побежал домой. Три дня Петер не высывал носа, всё ждал, когда раздастся стук в дверь и его придут арестовывать. Это была пытка. Во сне снилось, как комиссар выуживает из папки его липовые справки, бросает их ему в лицо, спрашивает, куда спрятал древний фолиант, и тычет в лоб маузером. На третий день после кошмарного сна мысли о неминуемом возмездии настолько сильно стали угнетать его, западая в душу подобно скребущей когтистой кошачьей лапе, в самое сердце какой-то щемящей и неодолимой тяжестью, что Петер Клаусович чуть не полез в петлю. Рассудок вовремя отключился и, лишившись сознания, несостоявшийся суицидник свалился с табурета, вызвав переполох у соседей. Очнувшись, против всякого чаяния для себя, вместо покорного выслушивания претензий от скандальной супружеской че-

ты, орущей через стену, он выругался в ответ, пообещав использовать орудийный банник не по назначению. Это оказалось настолько неожиданно для скандалистов, что претензии моментально прекратились, а Дистергефт вдруг вообразил себя победителем, после чего внезапно ощутил прилив необыкновенной силы. Совсем как перед опасностью, о которой ещё не знаешь, но чувствуя её смертельное дыхание, организм вырабатывает адреналин, стараясь защитить себя, и тебе сам чёрт не брат. Однако эйфория по безоговорочной победе в битве за доминирование на коммунальной собственности вскоре растаяла и вновь наступила унылая апатия. Верёвка всё ещё продолжала висеть на потолке.

В десять утра колокольчик дверного звонка протрезвожил два раза, и Дистергефт, прислонив к шкафу собранный в тюрьму чемоданчик, понуро опустив голову, стараясь не обращать внимания на подглядывающих сквозь замочные скважины соседей по коммуналке, пошёл отпирать дверь. Равдоникас стоял, опершись одной рукой на стену с облезшей краской, согнув правую ногу ступнёй кверху и внимательно разглядывая подошву своей туфли, водил по ней веткой, что-то счищая, бурча под нос: «Дворник зараза».

– Ты? – удивился Петер.

– Нет, НКВД, – с ходу выпалил Владислав. – Ты чего на работе не появляешься? Заболел? Постой, да на тебе лица нет. Ты как наш старый котелок, что уже год не видел огня, такой же серый. Доктора вызвал?

Дистергефт отрицательно покачал головой и подвинулся в сторону напичканной всевозможной верхней одеждой вешалки, освобождая проход в коридор.

– Проходи, в комнате поговорим. Доктор здесь не поможет.

Выслушав монолог своего друга, посматривая на привязанную к люстре верёвку, выпив рюмочку настойки, Владислав Иосифович встал, достал из портфеля ключи от своей квартиры и, оставляя их на столе, сказал:

– Сегодня воскресенье, переночуешь у меня, а завтра я оформлю командировочные, сопроводительные, ну, всю эту бумажную ерунду, скажем... позавчерашним днём, и привезу часиков в одиннадцать, нет, не успею, лучше в полдень. Ты отправляешься в Оршу. Мы в августе раскопки планировали начать, но так даже лучше. Так сказать, с опережением плана. Подготовь там почву, поработай с архивом, лучше тебя с этим никто не справится. С директором краеведческого музея контакты наладь, а к тому времени всё утрясётся. Кстати, тебе пришла бандероль из Берлинского университета, тяжёлая, на полтора кило. С письмом от самого Эриха Машке. Помнишь, ты запрос посылал?

– Ага, – тихо ответил Петер.

– В поезде посмотришь, я тебе с предписанием её передам. Этот твой «комиссар» из МИДа как раз бандерольку и привёз. Пренеприятнейший тип. Из-за таких уродов я в партию больше ни ногой! Мы тебя в обиду не оставим, помни

об этом.

Через пару недель началась война. Командировочный Петер не попадал под план эвакуации музея. Пришлось осаждать кассы вокзала. Брошенный в водоворот беженцев, спасаясь от бомбёжек и трясясь над своим чемоданом с диссертацией, он оказался на перроне пригородной станции Колодня, что в семи километрах от Смоленска с бесполезной плацкартой в кармане. Состав остановили военные. Армии срочно потребовался паровоз. Железнодорожники посоветовали ждать у вагонов, но спустя сутки ситуация не изменилась. Казалось, что про них забыли, а когда отбомбилась немецкая авиация и рельсы выгнулись дугами, стало понятно, что состав никуда уже не поедет. Люди пошли пешком, на юго-восток, навстречу колоннам красноармейцев, ошибочно повернув не на Вязьму, а на Рославль. Кто-то подменил указатели, запутав и без того растерявшихся беженцев. Военные регулировщики постоянно направляли их на второстепенные дороги, вынуждая чуть ли не колесить по кругу. Осуществлялась переброска войск, и гражданское население, с пониманием относясь к подобным мерам, на свою беду двигалось прямо в лапы противника. С самого начала их скитаний к Петеру привязалась девочка Дайва, следовавшая с ним в одном вагоне по соседству. Её умудрённая жизненным опытом бабушка отправила внучку подальше из Орши и, как обычно бывает, провожая детей, просят за ними присмотреть соседей. Дистергефт и присматривал. Шли дни, за сут-

ки колонна проходила с десятков километров, не более. Вскоре пропал завхоз, вместе с продовольственным аттестатом. Начались перебои с продуктами. У ребёнка с собой было два десятка варёных яиц; ими и питались, после того как закончились все припасы, купленные на станции. Да и сколько их было, пяток банок рыбных консервов с булкой ржаного хлеба. Когда в попутную с беженцами сторону перестали следовать машины с ранеными, а канонада стала слышна слева и справа от дороги, Петер сообразил, – они попали в окружение, а вскоре об этом с ужасом догадались и остальные. Переломный момент наступил на следующий день. Ближе к полудню их колонну обстреляли с воздуха. Началась паника. Вражеский лётчик, словно издеваясь, только с третьего захода смог попасть по единственной, брошенной непонятно когда полуторке, отправив попутно на тот свет два десятка женщин. Самолёт, едва не задев высоченную ель, безнаказанно улетел на запад, посеяв страх и безумие. Кондуктор с поезда, выполнявший роль начальника, был смертельно ранен, и сплотить людей возле себя оказалось некому. Убитых даже не стали хоронить, просто сложили у обочины, и колонна побрела дальше. Беженцы постепенно превращались в толпу, которая не то что себя не могла защитить, наоборот, стала опасна. Через несколько часов они вышли к какому-то крупному посёлку. У крайнего дома узнали, что добрались до Хиславич. День и так уже был полон мрачными событиями вроде бы до краев. Какого еще рожна? Но слу-

чилося именно то, чего люди хотя и со страхом, однако ждали. По одному тому, как вдруг затихали голоса, Петер догадался, что народ что-то настораживало. Лихорадочный шепот, полный тревоги и отчаянья, пронёсся сначала над посёлком, а потом и среди бесконечно бурлящего потока беженцев. Между тем объяснялось все просто – со стороны Корзово, медленным аллюром, покачиваясь в седлах, верхом скакали немцы. Люди сначала попятились, а затем бросились бежать кто куда, лишь бы не видеть эту страшную змею, одетую в «рогатые каски» с винтовками за спиной.

Определившись на уровне инстинктов с выбранным направлением, Дистергефт с Дайвой стремительно пересекли лужок, скатились по оврагу и, миновав берёзовую рощу, углубились в лес, где неожиданно для себя, когда духу идти уже не осталось вовсе, обнаружили пристанище. Случайно, али какие силы оказали помощь, но впервые за несколько дней мытарств они оказались под крышей над головой, чтобы решить для себя: куда дальше? Ещё оставался призрачным шанс дойти до наших, от которых жди лагерьный барак либо пулю в затылок, а в том, что комиссар им заинтересовался и не отстанет, он не сомневался, было за что. Другим возможным решением рассматривалась вероятность дожидаться германцев и при удачном стечении обстоятельств добраться до Вюртемберга, к родне. Второй вариант был предпочтительней, но абсолютно непредсказуем и, как он полагал – подлым. Петер Дистергефт, советский

человек, немец по национальности, впервые в своей жизни почувствовал, что не знает, как правильно поступить. Оказавшись на распутье, в голову не приходила ни одна мысль, указывающая безошибочное направление. Направо пойдёшь – жизнь потеряешь; налево – сгинешь без чести. Возникла дилемма и её требовалось немедленно разрешить. Но как? Решение пришло само собой. Уж если выбирать планиду, то пусть это решит случай, а не тягостное умозаключение. Петер обратился к Дайве, выцарапав из кошелька с медными застёжками гривенник:

– Давай-ка мы с тобой, девочка, бросим, как некогда древние римляне, жребий.

– Это как? – не поняв сути предложения, спросила Дайва.

– Выпадет «орёл» – вернёмся в Хиславичи, как-нибудь отыщем порядочных людей, переждём войну, а там видно будет. Немцы здесь долго не задержатся. Если «решка», станем пробираться дальше, до Ельни.

– Да вы что, Петер Клаусович? – возмутилась Дайва. – Немцы – звери. Вы видели, что они сделали сегодня на дороге? Дяденьке железнодорожнику ногу оторвало. Как он теперь без ноги? Здесь нас убьют. Я боюсь оставаться или идти назад, только на восток. Не надо никаких жребиев.

– А я ведь тоже немец. Как видишь, нормальный человек, на зверя не похож. Так что на, бросай монетку, а я сейчас свечу зажгу.

Чиркнула спичка, фитиль нехотя разгорелся, освещая по-

жухлую траву. Дайва подкинула монетку перед собой, та перевернулась несколько раз в воздухе и воткнулась ребром между сучками и желтоватыми хвойными иголками, устилавшими пол шалаша.

– Это хорошо или плохо? – спросила девочка.

– Это странно, – задумчиво, как бы сам себе, произнёс Петер. – Я не склонен верить в предопределённость случая. Может, подбросим ещё раз?

– Будет нечестно, – возразила Дайва.

Петер вспомнил, как перед выпуском из училища, он по старой традиции, отправился к гадалке. Дождавшись своей очереди, кроме сердечных дел, поинтересовался и мировыми; победит ли Россия в этой войне? Та раскладывала карты и так и этак, смотрела в хрустальный шар и, в конце концов, тяжело вздохнув, сказала, что нет. На встречный вопрос, неужели Германия с Австро-Венгрией стяжает лавры победителя, ответ был аналогичен. Лицо гадалки в воспоминаниях Дистергефта стало размытым, а вот последняя её фраза: «В жизни, как и в судьбе отдельного человека, бывает не только «или – или», но и нечто третье, непредусмотренное»; сейчас почему-то вспомнилась отчётливо.

– Что ж, – посетовал Петер, – на то он и жребий, чтобы следовать ему. Это шалаш косарей, а тут, насколько я знаю, полно хуторов. Утром пойдём по протоптанной тропе вглубь леса. Теперь спать.

На рассвете они покинули шалаш. Петер подобрал обло-

манное косовище от «литовки», просунул под ручку чемодана, зафиксировал пучком соломы и, водрузив палку на плечо, последовал по дорожке, давно не выдавшей колёс телеги. Дистергефт шагал широко, размахивал левой рукой и говорил не переставая. Дайва шла рядом, раскрыв рот, вникала в рассказы об экспедициях, тайнах летоисчисления, раскопках золотых курганов и стала первым слушателем защиты докторской диссертации своего спутника. Тот так самозабвенно декламировал ливонскую хронику, что незаметно для себя перешёл на немецкий язык, затем на латынь, и когда они подошли к узкому мостику через речку, то обернулся назад, ожидая услышать слова восхищения или как минимум одобрения проделанной им работы, но...

– Я... я ничегошеньки не поняла. Мы в школе не проходили, – Дайва запнулась на полуслове, – у нас учителя истории и иностранного языка замещает Любовь Константиновна, а она преподаватель математики. Нам обещали с нового учебного года...

Для Петера Клаусовича это стало подобно грому среди ясного неба. Система образования в Ленинграде, откуда была Дайва, была поставлена на высочайшем уровне. Или, как ему казалось, с позиции сотрудника университета, на весьма приемлемом. Молодёжь приходила подготовленной и жаждущей новых знаний. При прилежном обучении ученик после восьмилетки должен был овладеть одним иностранным языком. Обычно изучали немецкий. Девочка, с её слов, в

сентябре пойдёт в шестой класс, значит, хотя бы должна была понять, о чём шла речь. Ладно язык, но история!

«Вот доберусь до университета, сразу напишу, куда следует. Какое кошунство! Историю преподаёт учитель математики», – подумал Дистергефт и поймал себя на мысли, что всё-таки думает о том, что, в конце концов, окажется в Ленинграде, а не в Вюртемберге.

За настилом из почерневших от времени брёвен дорожка поворачивала параллельно реке и уходила вглубь леса. Пропетляв с полтора часа мимо поросших осокой болотин, и похожими на маленькие ёлочки хвощом, путники вышли на поляну. За ней начинались болотные заросли, потом снова стало суше под ногами, а когда на пути встал густой ельник, через который напрямик можно было пройти только с помощью топора, Дистергефт испугался. Ему показалось, что кто-то специально водит его по лесу с одной целью: запутать и заставить вернуться обратно. Стало очень темно, и будь он один – повернул бы. Лихорадочно соображая, что делать, – Петер по какому-то наитию скрутил дулю и, удивляясь самому себе, пробормотал под нос частушку про лешего, которую как-то раз поведал ему Равдоникас, оказавшийся в своё время в аналогичной ситуации в буреломах Белоозерья. В лесу резко запахло грибами, хотя до этого Клаусович мог поклясться, что секунду назад он не воспринимал никакие запахи, кроме прелой травы и болотной тины. Посмотрев, как Дайва тоже стала шмыгать носом, он как кабан, поло-

жившись на своё обоняние, ломанулся, казалось бы, через непролазный ельник и спустя минуту выскочил на просеку, держа девочку за руку. Вновь обретенная дорожка выходила на увал, где впереди обозначался большой просвет. Как только глаза привыкли к яркому солнцу, к своему удивлению, путники обнаружили одиноко стоящий на холме дом, окружённый высоким, в некоторых местах обрушенным каменным забором, сплошь закрытым переплетающейся между собой ежевикой. Еле заметная тропинка заканчивалась у массивных ворот, возле которых угадывался давно потерявший свою глубину и значение ров. Дистергефт замер, внимательно всматриваясь и вслушиваясь. Изредка завывал ветряк, стальные лопасти которого, так похожие на пропеллер гигантского самолёта, живущие какой-то своей, обособленной жизнью, вибрировали от резких порывов ветра и были чужды древней архитектуре дома, как и видневшийся из-за крыши усадьбы тонкой стальной трубой с проводами. Кроме этого шума ничто не выдавало присутствия какого-либо живого существа: ни лая собаки, ни мычания коровы, ни храпа или звонкого ржания лошади.

– Дайва, – шёпотом обратился Петер к девочке, – спрячься пока вон за тем деревом, оно довольно широкое и скроет тебя. А я подойду к дому и осмотрюсь.

– Петер Клаусович, – девочка затеребила спутника за рукав, останавливая, – смотрите, вон на крыше. Это антенна торчит. Я вам точно говорю, это антенна, у нас похожая в

радиокружке Дворца пионеров была, ГУГМСовцы подарили. Я туда три раза в неделю ходила и азбуку Морзе назубок выучила. Здесь наверняка метеорологи пост наблюдения поставили.

– Делай, что я тебе велел, – зашипел на Дайву Петер, – я тоже её заметил. Только для этого захолюстья, куда и пешком с трудом, иметь такую новинку вместе с ветряным электрогенератором слишком неестественно. Как бы ни шпионы здесь поселились. Если я позову тебя по имени, то смело выходи, а нет, то беги со всех ног обратно, той дорожкой, что мы шли.

Подкравшись к воротам, Петер потянул на себя створку и с удивлением обнаружил, что за декоративными деревянными рейками покоится что-то весьма тяжёлое, как бы ни железное. Удвоив усилия, он ничего не добился – ворота ни шелохнулись. Бросив неудачную затею, Дистергефт стал обходить забор, внимательно вслушиваясь в малейший шум, и вскоре оказался возле крутого обрыва, обильно поросшего кустарником. Внизу простиралась речка, а в десяти шагах от него спускалась к воде деревянная лестница с частично уцелевшими перилами. Стараясь не уколоться колючей ежевикой, Петер протиснулся по краю крутого склона и отдал должное своей смекалке, когда наткнулся на ещё одни ворота и широкую дверь, которая оказалась незапертой. Оказавшись во дворе, он бегло осмотрел строения и остановился возле дома с крыльцом. Из-за забора он выглядел иначе, как и подобает старым деревянным зданиям. Теперь же можно

было различить первый этаж, выполненный из камня, и понять, что видимый фасад для чужого глаза как бы бутафория. Вблизи постройка казалась крепостью. Окна наглухо закрыты плотно прилегавшими ставнями, флигель напоминает прямоугольную башню с чётко рассчитанными бойницами, а вместо клумбы серые гранитные плиты, исключаяющие подкоп. Причём всё это какое-то неживое, мрачное, наводящее чувство тревоги. Петеру не раз приходилось бывать на раскопках, и он хорошо знал, чем пахнет старина, так вот, глазами он видел, что дому не один век, а носом не чувствовал. Не было того запаха пыли со сгнившим деревом. Оставалось выяснить, насколько найденное строение обитаемо. Хотя изобилие на углах паутины и нескошенная трава, говорящая о том, что люди давно не появлялись здесь, на всякий случай Петер громко крикнул:

– Хозяева! Есть кто дома? Позвольте воды напиться?

В ответ скрипнул ветряк, перед самым носом прожужжал шмель, и вновь воцарилась тишина. Петер подошёл к колодцу, открыл дверцу, заглянул в шахту, аукнул, дождался эха и стал раскручивать подозрительно не скрипящий ворот, опуская окованное дубовое ведро на верёвке вниз, автоматически отмечая её длину. Когда дно ведра плюхнулось в воду и погрузилось, с непривычки пришлось приложить немалое усилие, вытягивая его обратно. Подобный «зюбер» Дистергефт помнил по своему детству, когда отец заставлял обмыться колодезной водой, закаляя здоровье. Тут и пригодил-

ся одиноко висевший на гвозде ковшик, с резной рукоятью. Напившись, он снял рубашку, с удовольствием обмыл ледяной водой торс, после чего пошёл осматривать с внутренней стороны ворота, которые он не смог даже пошевелить. Через пару минут, найдя поворотный механизм и разобравшись с редуктором, Петер попытался повернуть закисший, по его разумению, ворот и, толкая рукоятку взад-вперёд, случайно отпустил стопор, после чего сумел провернуть шестерню. Створка ворот медленно поползла по направляющей рельсе, утопленной в каменную кладку на длину ладони.

– Дайва! Выходи! – крикнул Петер, – Здесь никого нет.

Попасть в дом они так и не смогли. Входная дверь оказалась заперта на врезной замок, который больше бы подходил к сейфу, чем к жилому помещению. Даже узкие оконца башни прикрывались жалюзи из прочной стали, как в бронетехнике. Попытаться же без лестницы влезть на крышу к слуховому отверстию, через которое Дайва смогла бы пробраться, Петер посчитал чистой авантюрой. Тем более что в одной из пристроек была обнаружена кирпичная печь с утварью и запас стеклянных банок с крышками, залитыми воском. В них находилось целое сокровище для давно успевших проголодаться путников. Насущный вопрос о пропитании стоял остро, и всё остальное как бы отошло на задний план. Дайва наполнила чугунок водой, а Петер, раскупорив банку, высыпал дроблёный горох, после проверки которого отправил размокать, подкрепив весь процесс фразой:

– В мою бытность, во время Великого поста, мне как-то довелось попробовать одно замечательное блюдо в знаменитом «Строгановском» трактире. Мы с друзьями были веселы и настойчивы, и упросили повара поделиться рецептом.

– Вкусное? – В этот момент девочка сглотнула слюну, и в её животе забурчало.

– Через пару часиков можно будет сварить, а пока давай-ка сходи в лес. Я у края поляны маслят видел. Смальца у нас целая крынка, так что нажарим грибов и будем обустриваться. Хотя день сегодня и скромный, нам выбирать не из чего, – Петер заговорщически подмигнул. – Тем не менее, – подняв указательный палец вверх, – то, что я приготовлю, будет очень вкусно, как в старые славные времена, поверь мне на слово.

Отправив Дайву в лес, Петер вынул из чемодана обмылок, спустился к реке и оправился. После чего снял с себя одежду и осторожно вошёл в воду. Буквально через два шага он стоял по пояс, а следующим погрузился с головой. По-лягушачьи проплыв пару метров и ощутив силу течения, чертыхнулся. Пришлось возвращаться. Выстирав и выжав до скрипа одежду, довольный собой Дистергефт побрёл наверх, где переоделся и столкнулся с новой напастью. Во дворе не было натянуто ни одной верёвки, на которой можно было бы просушить одежду. Это требовалось исправить. На скрученной вчетверо суровой нитке, которую он натянул между колодцем и летней кухней, затрепыхались брюки с рубашкой,

привязанные (чтоб не улетели) носки и светло-синие трусы, похожие на бриджи. Закончив, он снял с верха поленницы, сложенной у стены, впритык к печке несколько самых тонких поленьев и открыл дверцу топки.

* * *

Грибница у опушки оказалась богата. Несмотря на очень засушливое лето, Дайва набрала целую плетёную корзину с горкой и успела сплести венок из цветов, как ей захотелось пройти дальше, вглубь леса. Углубившись по только ей заметной тропке в болотные заросли, пройдя шагов пятьдесят, она повернула налево и, перескочив через яму, напоминающую давно осевшую могилу, заметила бьющий из-под земли ключ. Проследив, куда течёт студёная водица, от которой кожа покрылась мурашками, стоило только коснуться ладонью, девочка двинулась вдоль бегущего ручейка, аккуратно обойдя земляничные кусты, вышла к зарослям малины и остановилась. Здесь обитало пернатое царство. Повзрослевшее птичье потомство уже давно покинуло родительские гнёзда, но не собиралось далеко улетать. Где ещё можно найти столько ягод? Залюбовавшись обилием ярких расцветок холок и спинок птиц, Дайве стоило неосторожно хрустнуть сухой веткой, как птичье царство сразу встревожилось, залопотало, забило крыльями, и малинник вмиг ожил. Птицы вспорхнули и, выражая свое недовольство гамом, разле-

телись по веткам деревьев. Углядев среди высохших огромные, ярко-бордовые, готовые взорваться своим соком от одного прикосновения ягоды, девочка не утерпела и поднесла ветку прямо ко рту, с жадностью проглатывая слетающие от лёгкого прикосновения языка плоды. Они были одновременно сладкие и кислые, даже медовые, отчего очень скоро утолили жажду, но возбудили голод. «Волшебный лес», – пронеслось у неё в голове, когда услышала, как её зовёт Петер Клаусович, которого она про себя называла товарищ профессор. Хотя он и представился ещё в поезде как кандидат наук, профессор звучало более подходяще для такого образованного человека. Тем более что внешне, особенно пенсне, он очень походил на одного учёного, увиденного ею на картинке в музее истории религии и атеизма, когда в позапрошлом году они всем классом ходили в культпоход.

«Дайва! Ау! Дайва!» – разносилось по лесу.

Дайва побежала к поляне, где оставила корзинку, и кусты расступались перед ней, подобно верным пажам, указывая дорогу.

Петер Клаусович, одетый в футболку с модной оранжевой полоской, заправленной в нелепые, явно от пижамы брюки, подтянутые по самые рёбра, и парусиновые теннисные туфли, был взволнован. В одной руке, измазанной сажей, он держал бумажный кулёк, из которого виднелись пшеничные сухари, а во второй газету.

– Ой, сухарики! – обрадовалась Дайва.

– Ты знаешь, какое сегодня число? – строго спросил «профессор».

– Двадцатое июля. Скоро каникулы закончатся. Я у себя в дневнике отмечаю, так Любовь Константиновна посоветовала, а что?

– Снова эта Любовь Константиновна! – вскипел Дистергефт. – Эти сухари я только что обнаружил в печке, когда проверял топку. Вместе с ними лежали спички и эта газета. Всё очень странно. Я точно помню, что заглядывал туда, когда двигал заслонку на трубе, там было пусто. Но это всё мелочи. Газета «Правда» свежая.

– Товарищ профе... извините, Петер Клаусович, можно мне на газету взглянуть?

– Чего уж, посмотри, почитай. – Петер протянул Дайве газету и буркнул под нос: – Мистика какая-то.

Девочка задержалась на заголовке передовицы, над которым стоял номер, дата девятнадцатое июля и цена пятнадцать копеек. Прочла расположенное в правой колонке сообщение от Советского Информбюро (как утреннее, так и вечерние), раскрыла газету, ища что-либо о Ленинграде, всмотрелась в фотографию лётчиков, беглым взглядом пробежала по последней странице, где печатались международные новости, и внизу увидела напечатанные мелким шрифтом телефоны отделов редакции. Улыбнулась, подглядывая за вытирающим несвежим платком испачканную руку профессором и, прочла вслух: «О недоставке газеты в срок со-

общать по телефону ДЗ-30-61». После чего сложила много-тиражку, возвращая Петеру Клаусовичу.

– Видимо, здесь подписчик жил. Газету сбросили с самолёта, а она угодила в трубу, провалилась вниз и попала туда, – Дайва указала пальцем на дверцу печи. – А спички, как и сухари, в печке хранили, чтобы не отсырели. Вы их просто не заметили. Вспомните, как мы набросились на банки с горохом. Всё внимание к запасам было. Зато теперь у нас есть хлеб, я принесла маслят, и мы устроим пир!

– Ну да. Вот я дурак старый. Оказывается, всё так просто.

– Петер Клаусович, – Дайва хлопнула ресницами, – разрешите я печь растоплю, мне бабушка в Орше показывала, я умею.

Дистергефт согласился. Растапливать печь не так уж и сложно, но для ребёнка сей процесс являлся своеобразной наградой, так что поощрение, особенно после столь блестяще, для юного ума, логического объяснения возникновения газеты было закономерным и педагогически верно. Прихватив с собой корзинку с грибами, Петер вооружился перочинным ножиком и пошёл к речке чистить маслята, где, устроившись на берегу, стал размышлять. Конечно, он не поверил, что для доставки газеты редакция специально выделяет аэроплан, но способ попадания печатного издания в печку, о котором не додумался, имел шансы быть. Летел самолёт, выпала газета, да залетела в эту «тьмутаракань». Как говорят чопорные островитяне: If it looks like a duck, waddles and quacks, then it's

probably a duck¹. Теперь спички. Обработанные парафином, с двухцветными головками, зажгутся от любого трения. Подобные он видел, но чтоб именно такие – нет. Да это и не важно, вон, ложки тоже разные бывают: и столовые и чайные; а суть всё равно одна. Правда, коробка, в которой они лежали, немного странновата, скорее всего, из алюминия, не оловянная. На исцарапанном, похожем на многократно уменьшенный чертёжный тубус футляре никакой маркировки нет – самодел. Такие безделушки авиаторам делают их механики, а те таскают с собой, хвастаются. У них и портсигары из алюминия ценятся дороже посеребрённых. В многочисленных экспедициях Петер и сам прятал спички в непромокаемые футляры, не доверяя картонным упаковкам. У Владислава, например, так вообще в рукоять ножа были сложены, а он человек бывалый, знать и тот, чьи спички, из этой же когорты. Вот только держать средство розжига в топке – насколько это разумно? Может, их владельцу так удобно было, но сухари... они не могли сохраниться в печи. Грызуны нашли бы и съели. Этого человек, живущий в лесу, не знать не мог. Не зря в народе говорят о мышке-подпечнице. Значит, предметы оказались в печи совсем недавно и к хозяину дома никакого отношения не имеют. Что имеем: газета попала по воздуху, другим способом привезти её из Москвы за один день физически невозможно; спички могут принадле-

¹ Если птица похожа на утку, ходит вразвалку и крикает, то это, скорее всего, утка (англ.).

жать лётчику или человеку, привыкшему к путешествиям; ржаные сухари в авиации не дают – только пшеничные. Снова совпадение. Все три предмета связаны с одной профессией. Следовательно, можно предположить, что летел самолёт, что-то случилось, и лётчик спустился на парашюте сюда во двор сегодня рано утром или прошлой ночью. Спрятал в печи свои вещи, открыл изнутри выходящую на реку дверь и пропал. Возможно, пошёл искупаться и утонул. Течение в речке о-го-го, а дно какое коварное – три шажка и с головой. Только где парашют? Если его найти, то всё объяснится. А вдруг это не наш лётчик, а шпион? Советская газета для отвода глаз или, ещё хуже, печка – тайник. Три предмета что-то означают, и тот, кто их обнаружит, сделает для себя соответствующие выводы. И ведь не докажешь ничего. Точно, как же я сразу не догадался? С каких это пор дом в лесу запирают на такой хитрый замок? Ладно дом, а сарай напротив реки чем дорог? Стоп, а если шпион никуда не уходил и в доме прячется? Там же Дайва хворост собирает одна!

В этот момент сверху, звонкий, беззаботный девичий голос попросил спички, и Петер оставил рассуждения о шпионах, посчитав мысленный бред приступом усталости, связанным с последними днями, полными напряжённости и опасности. Потом всё как-то закрутилось в делах и заботах, что всякие мысли об агентах и вражеских разведчиках более не возникали. Ближе к полудню Дистергефт соорудил возле колодца солнечные часы и с помощью карманного компаса стал

их настраивать, сетуя, что точности можно добиться лишь тридцать первого августа. А вот тогда он будет готов поспорить с любым владельцем хронометра о точности времени именно в этом месте.

– Скажите, профессор, – Дайва не стала исправляться, – часы будут показывать точное время круглый год?

– О нет. У каждого простого прибора, к сожалению, ограниченный срок действия. Наклонные солнечные часы, расположенные в Северном полушарии, будут показывать время лишь с двадцать второго марта по двадцать второе сентября. Собственно говоря, нам этого срока хватит с головой.

– Ошибаетесь, Петер Клаусович. Красная Армия столько ждать не будет, да и мне первого сентября в школу надо.

За последующие дни в поисках огорода, грибов и всего того, что можно употребить в пищу, новосёлы изучили местность вдоль и поперёк. Даже выходили на большак, по которому когда-то шли с беженцами, но к своему сожалению, а может и к счастью, никого не встретили. Местность словно вымерла, и если б не отдалённые залпы орудий, то могло показаться, что наступил всеобщий мор. Помыкавшись, они уяснили, что лучшего места им не найти: тут тебе и баня с веничком, и рыба свежая, прямо из воды – речка неподалёку, и дичи вдоволь – лес кругом, только силки ставить успевай возле малинника. Утро у них начиналось с физзарядки, после которой Петер Клаусович выуживал из реки три корзины, закрытые сверху мешковиной с отверстием. Рыба по-

падалась некрупная, но на двоих хватало. Затем учил Дайву плавать, после чего они шли готовить завтрак из гороховой каши со смальцем и одним сухарём. До полудня, чередуясь, ходили в лес, стараясь не отклоняться от дороги к дому. Обедали ягодами, а если повезёт, то и рябчиком, и до вечера, за разговорами, пытались связать лестницу из двух берёзовых жердин и лыка. Дайва настояла, что по ней она смогла бы пробраться на второй этаж дома, где под крышей располагалось слуховое окно, не имеющее защитного жалюзи. Глупо уютиться в пристройке, когда целый бесхозный дом под боком. Лестница выходила хлипкой, постоянно переделывалась, но Петер не сдавался. И вот, когда она была готова, а продукты стали подходить к концу, что-то громко щёлкнуло, ветряк сам собой развернул лопасти, захватывая ветер – закрутился, и входная дверь в дом стала медленно отъезжать вбок. Из темноты коридора раздался голос:

– Давайте знакомиться. Алексей Николаевич. Это мой дом, а вы, с позволения сказать, мои гости.

* * *

Честно говоря, я рассчитывал, что мои незваные гости уйдут на следующий день, как пришли. Я им даже газету подсунул со сводками и сухари на дорогу. До начала августа они имели хоть и призрачные, но шансы выбраться, только вместо того, чтобы ими воспользоваться, почему-то остались и

стали обустриваться. Один раз, когда они вместе вышли за ворота, я уже хотел закрыть их и не впускать. Но как-то не по-людски это было. Выйди они к Хиславичам, так сразу бы угодили в лапы наступающим немцам. 23-я и 197-я пехотные дивизии вермахта в это время атаковали группу генерала Качалова, и ротация происходила по дороге на Рославль. Пошли бы на северо-восток, к Починкам, оказались возле аэродрома Шаталово. Его сейчас обстреливали и бомбили советские войска. В общем, как говорится, при известной доле везения... С каждым днём линия фронта отодвигалась на восток, и мой дом уже находился в зоне глубокой оккупации, а гости соорудили горе-лестницу, присматриваясь к слуховому окну. Ждать дальше было нельзя. Сколько раз я себе говорил, что всем не поможешь, но чёрт побери, воспитали нас так.

– Проходите в дом, – позвал я своих гостей, – поверьте, здесь гораздо удобнее, чем стоять у крыльца, когда вот-вот пойдёт дождь. В это время у меня *le petit déjeuner*² и я приглашаю вас разделить со мной скромную трапезу.

Мужчина с девочкой смотрели на меня как на привидение и молчали. Дайва с испугом, долей любопытства и непониманием происходящего. Петер же ухватился двумя руками за жерди, и взгляд его говорил, что в случае опасности он не побежит. Первой не выдержала девочка:

– Вы всё это время, пока мы были здесь, прятались?

² Маленький завтрак (*фр.*).

Мужчина хмуро посмотрел на неё. Выпустил из рук бесполезную лестницу, подобравшись, как кадровый военный, только не щёлкая каблуками, хорошо поставленным голосом представился:

– Петер Клаусович Дистергефт. Простите великодушно мою племянницу за несдержанность. Возраст-с, – Петер впервые за многие годы использовал в своей речи словоерс, переводя напряжённую обстановку в немного ироничную, – позвольте представить мою спутницу, хотя у современной молодёжи это уже не в чести...

– Меня Дайва зовут, – вдруг перебила она. – А товарищ профес...

Девочка умолкла, покраснела и виновато посмотрела на спутника. Она хотела сказать, что никакая она не его племянница, и познакомились они всего две недели назад и вообще советские люди так не поступают. То есть прячутся, когда вокруг такое творится. Но не сказала, а наоборот, поняла, что Петер Клаусович поступил правильно, а она оказалась невоспитанной дурой. Точно такой, как её подруга Электрина, влезавшей во все мыслимые неприятности благодаря отсутствию чувства такта.

– Хм-м... Дайва, – поперхнувшись, закончил свою речь Петер.

– Алексей Николаевич, – я слегка наклонил голову в сторону девочки, – весьма рад знакомству, мадмуазель. Петер Клаусович, прошу.

Проводив своих новых знакомых в дом и включив в кабинете освещение, я рассадил их по креслам, предоставив в распоряжение библиотеку, покоящуюся на дубовых стеллажах, а также фотоальбомы. Напечатанные на глянцевой фотобумаге листы старинных книг были подшиты в папках с тиснёнными наименованиями на корешках переплёта. Большинство на языках оригиналов и в два раза толще их первоисточников, так как каждая фотография размещалась на картонной странице, снабжённая листом кальки. Были там и журналы, к примеру, весьма популярный «Cosmopolitan», позиционирующий себя в начале двадцатого столетия как «журнал четырёх книг», а не развлекательных статей, как станет позже. Отдельный шкаф занимали просто альбомы, составленные из диапозитивов в рамках с видами животных, морских рыб и красивыми пейзажами водопадов, так заинтересовавших Дайву; как и диапроектор с надписями на иностранном языке. Вскоре на столе, сервированном на три персоны, появился завтрак. Конечно, не *le petit*, как я обещал в начале знакомства, ибо сытый голодному не товарищ. Овсяная каша, хлеб с маслом и ветчиной, яйца всмятку, кофе для мужчин и какао с вафельными трубочками для девочки. Первые пятнадцать минут гости усиленно двигали челюстями, не проронив ни слова. Когда очередь дошла до кофе, Петер завёл разговор о книге, которую он внимательно изучал, вздыхая и мотая головой, явно с чем-то не соглашаясь.

– Алексей Николаевич, я нашёл у вас фотокопию велико-

лепного венского издания записок Герберштейна от тысяча пятьсот сорок девятого года.

– Вы имеете в виду «Записки о московских делах» этого шпиона? – уточнил я.

– Да, да. Именно их. В Ленинграде мне довелось довольно долго изучать этот шедевр, и я обнаружил, – Петер выдержал паузу, – что в вашей книге присутствует утерянная гравюра Василия III. Позвольте, а почему шпиона?

– Ничего удивительного, любой путешественник в то время занимался разведкой. Что же касается гравюры, то при переизданиях они довольно часто терялись. Вы, наверно, знакомились с переводом базельского издания от семьдесят первого года?

– Что вы, это было венское, от пятьдесят седьмого. Типография Эгидиуса Адлера и Иоганна Коля. Более раннего, известного науке, давно не существует, армия Корсиканца постаралась, поэтому и удивился, найдя его у вас. Многие мои коллеги, к сожалению, предпочитают уже переведённые. – Петер гордо, явно хвастаясь, приподнял голову. – Только при Екатерине II книга издавалась три раза, но я предпочитаю читать с оригинала. Ошибки перевода могут стоить дорого для историка.

– Если не ошибаюсь, первый перевод на русский язык осуществил Кириак Кондратович. Замечу, очень приличный перевод, – констатировал я, уходя от щекотливой темы по поводу фотографий давно сгоревшей книги.

– Абсолютно верно. Но я хотел задать вот какой вопрос, учитывая подборку, вы серьёзно увлекаетесь историей?

– Если так можно сказать, то да, именно увлекаюсь. Собираю предметы старины, выписываю журналы, как видите, – указав рукой на полку, – даже подобрал небольшую коллекцию народного творчества дохристианского периода.

– Весьма любопытно, – Дистергефт подошёл к процарапанной, с остатками краски гальке под стеклом, – я находил подобное на Ладогe. Позвольте спросить, а не встречались ли вам какие-нибудь сведения о князе Гюнтере Штауфене? Это период середины тринадцатого столетия.

– Бастарде Фридриха? – Я поставил чашку на блюде. – А в чём собственно интерес?

– Вам знакомо и это? – с удивлением произнёс гость.

– Как видите.

– Исследование древности моя работа, – продолжил Дистергефт, – я практически закончил диссертацию об этом человеке. Для учёного совета моих трудов будет вполне достаточно, но для меня самого осталось слишком много неясного. Совсем недавно, перед самой войной, я получил письмо от Эриха Машке, где есть упоминания о деятельности князя в Моравии и Кракове. Знаете, сопоставив известные события, я пришёл к выводу, что его роль в истории, которую мы знаем – не полная.

– Это вы мягко сказали. История самая загадочная наука, так как скрывает за покровами и личинами вечно двой-

ственный, если не больше, вечно противоречивый и навеки искажённый до безобразия истинный лик. Даже противоположные по своей сути сведения от источников могут являться истинными. Всё зависит от того, чью сторону представлял рассказчик.

– И всё же вам что-то известно?

– Вы точно хотите знать, каким был Гюнтер, князь Самолвы, вице-гроссмейстер Ордена Меркурия, серый кардинал Ливонии, учёный, колдун и меценат Православной церкви? Понимаете, что узнанное будет настолько не вписываться в прописные истины современной истории, что вы никогда, подчёркиваю, никогда не сможете опубликовать свой труд? Замечу, даже рассказывать об этом станет не безопасно. Наука не приемлет мистики. Сочтут сумасшедшим.

– Откуда? Откуда вам это известно? – заволновался Дистергефт. – Было только одно-единственное упоминание, – пробормотал он, – и оригинал рукописи никто не... Расскажите мне всё! Я готов к этому. Шлиману тоже пророчили психиатрическую лечебницу.

– Тогда вам придётся уделить этому вопросу куда больше времени, чем вы располагаете. Информация обширна, – указывая на полку с альбомами, – а выносить фотокопии, тем более артефакты, я не позволю. В вашей же ситуации каждый час на счету. Война, знаете ли. К тому же у вас, наверно, есть свои планы, а как всё закончится – милости прошу, с удовольствием устроим дискуссию.

– Минуточку, вы только что обмолвились... У вас есть связанные с Гюнтером артефакты? Какая удача! – Не обращая внимания на предостережение и намёки, он буквально навис надо мной. – Я смог разыскать только одну затёртую серебряную монетку, отчеканенную при Штауфене, где с трудом просматривается изображение белки, зато есть дата. Она у меня с собой, хотите, я сейчас её принесу?

– Только одну? Я думал, что их должно было остаться гораздо больше, – и, видя недоумение на лицах, пояснил: – Ах, да, слишком хорошее серебро – переплавляли. Варварство, конечно, но за блага всегда приходится платить, – посетовал я, – нумизматика знает примеры и похуже. Гюнтер владел несколькими рудниками, и когда сыну Ярослава потребовалась помощь, то ссудил ему пару тонн серебра в монетах. Насколько я знаю, в Сарае из них начеканили дирхемов. Впрочем, в качестве залога за папку с документами сгодится.

Услышав про деньги, Дайва отдернула руку от трубочки со сгущённым молоком и отодвинула от себя недопитую чашку какао, изобразив на лице маску презрения, словно увидела на скатерти счёт, который придётся закрыть. На минуту настала тишина. Не будет лишним напомнить, что в глубине души всё это время было понимание о недавних поступках, ведь проникли они во двор чужого дома и вели себя подобно разбойникам. Нет, угрызений совести Дайва не испытывала, меры социальной справедливости, особенно по отношению к буржую применять можно. Однако осознание,

что поступили они с профессором не совсем правильно, и по-хорошему им бы стоило загладить свою вину перед хозяином, хотя бы с материальной стороны, вдруг стало тяготить. Об этом подумал и Петер Клаусович, лихорадочно ставший подсчитывать дни до аванса, протирая стёкла пенсне платком. Когда же осознав тщетность своих умозаключений, он выпрямил спину и произнёс давно продуманную с оттенком смущения в голосе фразу:

– Не поймите меня неправильно, но на сегодняшний момент у меня есть некоторые затруднения, материального свойства. Тем не менее, как только появится возможность, я непременно оплачу все затраты, связанные с нашим пребыванием.

– Возможно, вы меня неправильно поняли. Простите, немного увлёкся. То, что принято в среде коллекционеров, никоим образом не распространяется на рамки приличия в обыденной жизни. Ваше предложение неуместно и к тому же излишне. В моём доме действует закон гостеприимства, так что не стоит беспокоиться. Тем более что вы находились почти в катастрофическом положении и не только не имели крыши над головой, так и ко всему прочему были банально голодны. Посему к этим вопросам больше возвращаться не станем. Я хотел поговорить совершенно на другую тему, кое-что прояснить для себя. Времени для беседы у нас немного. Насколько я понимаю, вы не рассчитывали здесь задержаться?

– Да, вернее нет, это входило в наши планы.

– Хочу вас огорчить, дом хоть и стоит в глухом лесу, но дорожка к нему есть, и рано или поздно придётся столкнуться с неприятностями оккупации. Вы понимаете, какую ответственность хотите на себя возложить? Я не смогу постоянно находиться тут. К тому же здесь нет подсобного хозяйства, даже элементарной приусадебной грядки. Вопрос пропитания встанет для вас так остро, что более ни о чём вы и думать не сможете и закончится всё печально.

– Вы намекаете, что мы нежеланные гости?

– Увольте, я пояснил ситуацию, в которой вы с молодой барышней оказались волей злого случая. Впрочем, раз вы ещё живы, то возможно, бог проявит заботу и далее.

Историк задумался. В скором завершении войны он не сомневался, по крайней мере, хотел в это верить. Значит, требовалось немного потерпеть, а там уже всё станет на свои места. Уйти от столь желанного источника информации не хотелось и вовсе. Сам бы он мог просуществовать пару недель на одной выловленной в реке рыбе, да и немецких солдат он не боялся. Был у него один запасной вариант. Коллега из Берлинского университета, столь охотно предоставлявший бесценные материалы для его диссертации, тоже просил кое-что сделать. То фотоальбом передать одному знакомому, то по определённому адресу зайти, поинтересоваться, как здоровье у какой-то тётушки. Выполнял Петер Клаусович эти несложные поручения, а вспомнил об их странности толь-

ко тогда, когда из бандерольки извлёк книжицу, а в ней на сорок первой странице текст, к автору произведения совершенно не относящийся. Писалось на той странице письмо: как высоко ценят его помощь университету, что не забывает свои германские корни, а также сообщался адрес и номер телефона с именем абонента в Берлине, куда можно позвонить, хоть днём, хоть ночью, если возникнет необходимость. Помимо этого, коллега с той стороны был абсолютно уверен, что Гюнтер Штауфен обладал алтарём из янтаря, который следует искать и в случае обнаружения находку скрыть. Поделиться же этой информацией с другом из Берлина будет вообще хорошо, так как тому, кто найдёт – и премии, и слава, и должность в университете. В каком? В каком пожелаете. Скудоумием Петер Клаусович не страдал. Сразу сообразил, куда тёмная дорожка ведёт, и даже поначалу испугался, но великая вещь преданность Родине. Кровью на роду было написано: «Отныне наша земля здесь!» И раз обманули его единожды, то на грабли предательства он более не наступит. А вот использовать это сомнительное знакомство, если жизни будет угрожать опасность можно. Только в прикупе оказалась Дайва, а раз обещал Дистергефт незнакомой бабушке присмотреть за девочкой, то обещание выполнит. Иначе грош цена ему будет и позор на весь род. Спустя минуту он дал ответ:

– Алексей Николаевич, я пришёл сюда вместе с Дайвой, с ней и уйду. Но если есть возможность нам остаться, то не

прогоняйте. Я столько сил потратил на эти исследования, что они для меня цель и смысл жизни. И вот, я сталкиваюсь с человеком, который обладает столь нужными для меня знаниями, которые я нигде не смогу получить. Вы правильно заметили, идёт война, а значит, всякое может произойти в следующую минуту. Защитить племянницу у меня получится. Обещаю! А вот с остальным... подскажите, как нам быть?

– Вы даже не представляете всей серьёзности ситуации, в которой оказались. Сегодня, до полудня, я ещё могу подсказать, как выйти к линии фронта и перебраться на ту сторону, вечером уже нет. Только с риском для жизни. Не хотите? Что ж, это ваш выбор. Хорошо, если вы так уверены, это ваше «остальное» я возьму на себя; но давайте сразу договоримся. В моих с вами отношениях будут некоторые правила. Первое и основное – слушаться меня беспрекословно. Считайте, что я мобилизую вас. Второе и последнее – делать всё, что скажу, как бы нелепо или опасно это ни выглядело. Только так вы сможете выжить, да ещё пользу принести. Особенно это вас, мадмуазель, касается.

– Никакая я не мадмуазель, – воспротивилась девочка.

– Дайва! – одёрнул её Петер. – Немедленно прекрати. Мы согласны со всеми условиями.

– Правильное замечание, – продолжил я, – больше не мадмуазель. Учитывая ситуацию, подходяще говорить: фройляйн Дайва. И зарубите себе на носу, соизвольте при обращении к собеседнику упоминать герр. Для всех вы немцы,

приехавшие сюда перед войной к своему родственнику. С этого момента я жду от вас только холодной рассудительности, вежливости, скромности в быту и выдержки в преследовании целей. Придётся сменить одежду. Та, что сейчас – не практична. Что такое попасть без головного убора в лес, уже известно?

Девочка кивнула. Вчера она запуталась волосами в сухих ветках, и было ощутимо больно, когда, не заметив этот казус, пыталась срезать гриб. После этого случая, как ни жалко было, надевать выходной берет, купленный на углу Аптекарского проспекта, а волосы дороже. Получить же обновления, так для девочки это в радость, посему Дайва продолжила слушать уже с улыбкой и трубочка с какао вновь оказались в её руках.

– Сегодня я покажу вам дом, – продолжал я, – ваши спальни и как пользоваться некоторыми приборами, особенно в туалетной комнате. После обеда можете принять ванну и постирать бельё в стиральной машине. Радио удобно слушать в кабинете, а в гостиной вечером посмотреть кино.

– У вас есть кинопроектор? – удивился Дистергефт.

– Не только. К нему собрана обширная фильмотека. Хотите посмотреть фильм с Диной Дурбин?

Конечно, гости захотели посмотреть кино, забыв обо всех неприятностях и лишениях, свалившихся на них с началом войны. На этом наш завтрак был закончен. Дайву отправили мыть посуду, а Петер Клаусович, немного смущаясь, поин-

тересовался насчёт табака и, получив утвердительный ответ, вышел со мной во двор. Как я и обещал, начал накапывать дождь. Скрывшись под навесом крыльца, я протянул Петеру портсигар. На юго-востоке стала слышна канонада.

– Генерал Качалов пошёл на прорыв, – прокомментировал я.

– Снарядов у него негусто, – глубоко затягиваясь, ответил Дистергефт, – да и гаубиц кот наплакал. Я ж в Гражданскую артдивизионом командовал.

– Вот как, то-то я смотрю, что вы при звуках орудий как-то подтянулись, стали прислушиваться, а взгляд цепляется за ориентиры. Вы что заканчивали?

– Михайловское артиллерийское. Выпуск одна тысяча девятьсот семнадцатого года.

– Ускоренные? Чин прапорщика и на передовую?

– Нет. Отучился от и до. А вот на передовую я не попал. Революция... новая власть, не по совести мне стало Керенскому и иже с ними служить. В отставку подал. Потом снова призвали, красный бант, вы понимаете...

– А большевикам, значит, по совести?

Ну не хотел Дистергефт отвечать на этот вопрос. Врать не хотел, а правду и сам не знал.

«Все тогда говорили, – подумал Петер, – что воюют за землю Русскую. Только проиграли в итоге как те, так и другие. Господи, нет для России времён хуже смуты. И сейчас смута начнётся. Дети тех, кто пожалел, что за землю воевал и ни-

чего толком не получил, снова за винтовки возьмутся. Злобу свою на остальных вымещать. А что я? За большевиков пошёл, потому что они новый мир, равенство и братство обещали? Нет. Просто за другом, за компанию пошёл».

Посему и ответил так, как тот комиссар из восемнадцатого года, вопросом на вопрос.

– А вы кому служите?

– Земле Российской! Ей и только ей. Она меня вырастила, выкормила и всему обучила. И сейчас она в опасности. Родина-мать зовёт землю Священную защищать. Пришло время каждому из нас долги отдавать. Согласны?

«И вправду... верно говорит хозяин дома: Родина-мать зовёт. Только что я один сделаю? Хотя какой-то план у него наверняка есть», – подумал про себя Петер и произнёс:

– Я вижу, вы что-то задумали? Так знайте, служить Отечеству у Дистергефтов в крови. Видимо, действительно настало время отдавать долги. Можете рассчитывать на меня.

– Я рад, что вы меня поняли, Петер Клаусович. Вы же германских кровей? Поволжье?

– Немец! Никогда этого не скрывал. Из Судака, это в Крыму.

– Приходилось там бывать. Климат просто великолепный. Родители, родственники на полуострове остались?

Собеседник отрицательно мотнул головой.

– Перебрались обратно, в Швабию. Вот судьба-то, откуда пришли, туда и вернулись. По окончании службы, если

оставались в живых, Дистергефты заканчивали свой век в Судаке. Вы правильно подметили, великолепный климат. А что ещё нужно человеку, в чьих лёгких больше пороха, чем воздуха? У меня две сестры, младшие. Тринадцатого ноября двадцатого года отец сражался под Симферополем, добровольцем, а потом на яхте добрался до Констанцы. У нашего соседа по улице яхта своя была, он и увёз моих, от греха подальше. Спустя годы я узнал, что иного выхода для них не было. Про тот ужас³ сейчас не принято вспоминать, но тех, кого он коснулся, не забудут об этом никогда.

– Переписываетесь?

– Как сказать, – почесав кончик носа, ответил Петер Клаусович. – По почте боялся, только весточки передавал. Есть у меня в Берлине коллеги, будь они неладны, через них и посылал. Ну и они, соответственно, мне от моих слали.

Сигарета в руках Петера стала тлеть почти у пальцев, и он стал смотреть по сторонам, куда бы выкинуть окурочку. Увидев, как я показываю на старое ведро, он с благодарностью кивнул и ловко зашвырнул остаток сигареты, как гаубичный снаряд, по крутой параболе.

– Петер Клаусович, оставьте его себе, – сказал я, протягивая портсигар, – нам ещё многое надо успеть перед моим отъездом. Кстати, попрошу вас об одной услуге, обучите девочку пользоваться столовыми приборами.

³ Бела Кун и Розалия Залкинд творили в Крыму настоящие зверства. Только число расстрелянных официально определялось в 56 тыс. человек.

Дел и вправду было неспорно. Так что, не тратя времени на различные условности, я решил посвятить Петера Клаусовича в круг его первостепенных забот. Едва мы разобрались с гардеробом и насущными вопросами, как настало время обеда. За столом я рассказал о том месте, где волей случая оказались мои гости, немного о себе и о видении сложившейся ситуации в целом. В своё время мне стоило немалых трудов, дабы участок непролазного леса, где стоял дом, стал пользоваться дурной славой в округе. Местные обходили его стороной из-за различных слухов о блуждающих болотных огнях, не упокоенных мертвецах и прочей нечисти, а другого мне было и не надо. Пришлым рассказывали о чарусе, в которой сгинули не один десяток любознательных, познавших коварство трясины. Конечно, были люди, которые знали, что дом обитаем, но их количество можно было пересчитать по пальцам одной руки. Как бы удобно это ни было, но накатанный жизненный уклад пришлось поменять. Первый раз в сорок первом году я появился в конце апреля, а уже в мае, на праздник, с оказией навестил близлежащий районный центр, как уже свой, чуть ли не местный. Причиной этого была проверка телефонного кабеля, проложенного в основном по дну реки. До этого момента в усадьбе была прямая связь с почтой Хиславичей, о существовании ко-

торой почтовые работники даже не догадывались. Для них мой звонок воспринимался как иногородний, и я мог связаться практически с кем пожелаю. Подняв трубку и поняв, что «халявы» почему-то нет, а сигнал поступает, я собрался в дорогу и вышел за дверь. Каково было моё удивление, когда во дворе я застал то ли беглого зека, то ли заплутавшего путника, пытавшегося вскрыть амбар. Прodelав необходимые манипуляции с пистолетом, я направился к нарушителю спокойствия, и ничего умнее не придумал, как окликнуть его. Только я крикнул, как тут же получил удар в грудь, слившийся с сухим треском выстрела. Подельник ломавшего дверь амбара стоял чуть в стороне и стал мне виден в самый последний момент. Сам он был маленький, метра полтора, в кепке, надвинутой на самые глаза. В руке у него был револьвер, едва видневшийся из широкого рукава пиджака, явно с чужого плеча. От неожиданности я упал, выдохнув что-то короткое и нечленораздельное. Бронежилет защитил, но в груди просто горело огнём. Мужичок возле амбара обернулся, небрежно бросил взгляд и вновь занялся своим делом, обронив пару неприличных слов на каком-то суржике, похожем на польский язык. Меня посчитали убитым. Теперь, когда стрелявший приблизился, я смог разглядеть этого человека: пиджак не виноват в том, что висел на нём, он был пошит на обычный рост и на обычного мужчину. Просто стрелок был уж очень щуплым и походил на подростка, но с оружием в руках, а это решало всё. Как только он, обрадованно

известив своего приятеля звонким голосом по-русски о новых сапогах, я выстрелил. Сначала в коротышку с револьвером, а потом во второго. По два выстрела на каждого. Низкорослый согнулся пополам, обхватив руками живот, упал на колени и заскулил, подвывая нечеловеческим голосом. Стоявший же у амбара не упал, хотя я был уверен, что попал в него, только присел и швырнул в меня молоток. С десяти шагов он промахнулся на какой-то сантиметр от моей головы. Ещё две пули в него, одна из которых угодила в шею, и кровь брызнула как из лопнувшего шланга. Несмотря на рану, он ещё сделал пару шагов, и я всадил в прущего на меня как танк здоровяка остаток магазина. За эту минуту я взмок, ощутив, как пот бежит по спине. Всё же молоток чуть не убил меня. Отдышавшись, я встал с земли и смахнул кепку с мелкого. С револьвером была женщина. Короткая стрижка под мальчика, подведённые глаза и румяна на щеках. Её спутник, настоящий атлет, с которым не захочешь встретиться в рукопашной, имел в кармане на груди золотой крест четвёртого класса. Таким награждали только наиболее отличившихся польских офицеров. Каким образом они угодили сюда и что собирались делать, я так и не узнал. Ни бумаг, ни каких-либо документов с ними не было. Не стала стрелять бы в меня женщина, может, и разошлись бы миром. А с ворами и убийцами, каковы бы ни были их заслуги в прошлом, разговор короткий – смерть. Именно тогда я установил камеры наблюдения, которые для несведущего человека

были не более чем торчащими из стены деревянным декором, и не выходил за дверь, пока не просматривал хотя бы получасовую запись, не считая наблюдения в реальном времени. Так что в Хиславичах, несмотря на наличие велосипеда, я оказался только к обеду. И то спасибо попутке из Починок, спешившей дальше, в Мстиславль. Доехал с ветерком и в относительном комфорте, так как сидел в кузове, и десятком анекдотов настолько расположил к себе шофёра, что прямо к двери почтамта подвезли.

На почте посетителей не было, празднование Первомая перешло от трибунных мероприятий к застольным, и народ собирался поближе к гармонии. За перегородкой сидела сортировщица, телефонистка и кассир в одном лице. Меня здесь знали как инженера из Смоленска, бывшего в прошлом году с бригадой подсобных рабочих, установившего новый телефонный коммутатор и радиорепродуктор взамен внезапно перегоревшего. Встретили меня с радостью. Но не только потому, что с собой я привёз гостинцы: шоколад – детям начальника почтового отделения, крутившимся тогда возле меня как цыплята, и блеск для губ – Авдотье Никитичне, моложавой двадцатисемилетней барышне, тщетно пытающейся повторно выйти замуж. Всё объяснялось счастливым избавлением от возникшей проблемы. Каково же было моё удивление, когда мне сообщили о поломке моего же коммутатора. Случилось это утром и ещё человека не успели послать за мастером, а я тут как тут; как не обрадовать-

ся? Пришлось разбирать. Электромагнитное вызывное реле, которое считается почти вечным – сгорело. Реле моста питания тоже. Батарея на десять вольт (ГБ-10-У-1,3) признаков жизни не подавала и выглядела так, словно инструкция по эксплуатации ничего не значащий документ. Но самое невероятное, мой встроенный коммутатор был отсоединён. Видимо, Авдотья Никитична или её начальник пытались починить самостоятельно и, заметив лишние детали, решили их отключить. Когда же я спросил, лазил ли кто-нибудь, то оба дружно ответили: нет! Клятвенно заверив, что завтра привезу новые детали, которые есть только в Починках, я укатил. На следующий день моего появления ждал уже милиционер. Органы правопорядка тоже остались без связи, а сводку после праздника подавать надо. Поздоровавшись и вывалив на стол перед Авдотьей Никитичной ворох плакатов: по технике безопасности, соблюдения режима секретности и разнообразной агитационной тематике, по типу – «Овладевая техникой, будь первый в рядах строителей социализма», я принялся за ремонт. Участковый отобрал к себе в контору пяток плакатов, связанных с его работой, и, узнав, что связь восстановится не раньше чем через час, убыл восвояси, подальше от горящих глаз телефонистки, жестикулирующей ему всеми известными способами, что неплохо бы было оставить инженера наедине с ней. Я-то думал, что она мне дружбу предложит, ан нет. Служащую заинтересовала косметика, с которой в области, да и чего греха таить, в самом Смоленске,

мягко говоря, было не очень. Выслушав, какие тяготы и лишения приходится преодолевать интеллигентной женщине с мизерной зарплатой, пришлось пообещать посильную помощь. Так я обзавёлся нужным агентом. А вскоре уже никто не обращал внимания на изредка заезжавшего инженера из Смоленска и появлением на телефонистке дефицитных даже в столице чулок со швом, вкупе с изящными наручными часами и летними туфлями. Только поговаривали иногда, мол, снова к Авдотье хахаль с подарками прикатил, а она бл** такая, перед каждым мужиком хвостом всё равно крутит. О ней и рассказал я Петеру Клаусовичу, намекнув, что вскоре ему придётся посетить посёлок и разыскать телефонистку. За её судьбу я не беспокоился. Она твёрдо была уверена, что выполняет секретную работу Коминтерна, и последнее время активно готовилась к новым условиям работы, а именно усиленно штудировала немецкий язык, беря уроки у школьного учителя Евгения Владимировича Ржецкого. Это и позволило ей занять прежнюю должность при новом режиме. Незадолго до оккупации Хиславичей, пятнадцатого июля, я позвонил ей и приказал вскрыть оставленный мною тайник. Там лежало письмо с инструкциями, деньги и записка для её учителя. Именно с этими людьми и предстояло повстречаться Петеру Клаусовичу, узнать их настроение, надобности и просто передать привет с гостинцами.

С момента знакомства с моими гостями прошло уже больше трёх недель. Как и обещал, через несколько дней после

нашего разговора я «уехал». Как мне это удалось проверить, гости не догадались. Для них я закрыл за собой дверь в полуподвал и вышел по подземному ходу. Петер Клаусович с Дайвой передали со мной письма в Ленинград. Одно было адресовано Равдониксу, где Петер сообщал, что жив-здоров, хоть и попал в переплёт, работает над диссертацией, близок к научному открытию и готов принимать корреспонденцию по адресу в Севастополе, но когда он её получит – не известно. Второе письмо было для родителей Дайвы. Написанное на шести тетрадных листах сочинение повествовало о событиях последних дней. Я заранее объявил, что письма подвергнутся перлюстрации, тем не менее пришлось ретушировать. По-моему, знать для родителей, что их дитя уцелело в адском водовороте эвакуации, гораздо важнее, чем выяснить подробности точного местонахождения. И вот, двадцать пятого августа я вновь оказался в сорок первом году, в доме под Смоленском. Со мной была перевязанная шпагатом пачка газет, папка для бумаг и крупный арбуз. Просмотрев записи камер наблюдения, я поднялся к себе в кабинет, где испугал своим появлением Петера. Он был настолько сосредоточен на чтении, что не услышал, как я поднимаюсь по лестнице, и выронил альбом с фотокопиями себе под ноги.

– Как вы оказались здесь? – промолвил Петер. – Двери же заперты.

– Я пришёл так же, как и ушёл, – сказал я, размещаясь в кресле. – Это сейчас не важно. Вы выполнили мою просьбу?

– Да, – быстро взяв себя в руки, произнёс Дистергефт. – Признаюсь, это не составило особого труда. Ваш документ не пригодился, меня даже никто не останавливал для проверки. Авдотья Никитична продолжает работать на почте. Очень красивая женщина, необычайно эффектна. Она так бойко говорит по-немецки, вы не предупреждали, признаюсь, я растерялся.

– Ничего удивительного. Она на треть немка. В тридцать восьмом овдовела.

– Что случилось?

– Её покойный муж был из одесских немцев, колония Мариенталь. В своё время трудился в Киеве, учил детей родному языку. Потом донос, неделя допросов с пристрастием, подорванное здоровье и чуть ли не ссылка сюда. Сами знаете, насколько жестокие нравы в преподавательском коллективе. Квартирный вопрос испортил не только москвичей. Продолжайте.

– Так вот, меня направили в недавно созданную управу. Руководит ею некий Ржецкий Евгений Владимирович. Ему я передал записку от Авдотьи Никитичны, и мне выдали временное удостоверение личности, недействительное для разъездов. Дайву я записал на свою фамилию. Он же сказал мне сдать имеющиеся у меня велосипеды, лыжи и голубей. Велосипед пришлось там и оставить. Что ещё, – Петер подошёл к висящему на стуле пиджаку и вынул из кармана сложенный вчетверо листок, – вот, я записал на всякий случай.

«Административное устройство по волости утверждено такое: в самой волости – управа, там бургомистр, писарь, бухгалтер, агроном и сельхозгруппа, которой подчинены заготовительные и налоговые органы, а также волостная полиция порядка; в деревнях – староста, заместитель волостного агронома и один полицейский из расчёта на двадцать дворов». Мне надлежит поступить на службу, либо устроиться на работу, иначе будут неприятности. Все прибывшие в посёлок обязаны отметиться в комендатуре, что я и сделал. После этого вернулся сюда.

– Ясно, – недовольно произнёс я. – Велосипед, конечно, жалко. Как обстановка в Хиславичах? Что видели, какое на-строение?

– Страх. Всё пропитано страхом. Как рассказала Авдотья, пока шли беженцы, местные скупали у них скот, утварь, одежду. Немцы всё отобрали. Переписали поголовно евреев и заставили их нашить на рукав жёлтую повязку. Срок дали один час. Кто не успел – расстреляли. В этот день, говорят, в госпиталь машина пришла с ранеными, так на заднем дворе уже мест для могил нет, вот и зверствовали. Магазин не работает, на рынке пустота. Хотел молока купить – не вышло. На консервах сидим. Одно хорошо, сумел подстричься. Евгений Владимирович рекомендовал парикмахера. Рубли не принял, а за шоколадку согласился.

– Спасибо, Петер Клаусович. Вы прекрасно поработали, а теперь, как я обещал, держите фотографии артефакта.

Петер принял снимок и, подойдя поближе к окну, тут же схватился за увеличительное стекло. На фотографии был меч. Лежавшая рядом с ним градуированная рейка указывала его длину. Второе фото являлось увеличенным снимком лезвия, где едва просматривалось потускневшее травление, клеймо кузнеца Данилы из Смоленска. На третьем снимке рукоять с крупным янтарём, вставленным в стальное кольцо.

– Какая сохранность! – восхитился Дистергефт. – Но где подтверждение о принадлежности предмета Штауфену?

– Я ждал этого вопроса. Вот снимок обратной стороны лезвия. Читайте монограмму.

– Потрясающе. Надпись на латыни немного затёрта, но читается. Никогда не слышал о Ордене Меркурия. Скажите, вы видели клинок? Где он находится?

– Видел и даже держал в своих руках. Это один из предметов частной коллекции. В конце тринадцатого столетия меч в качестве трофея захватил Карл Анжуйский, в пятнадцатом его выкупил у Джованни II вюрцбургский епископ, а почти через сто лет Юлий Эхтер фон Мешпельбрунн отдал его за некоторую услугу одному русскому боярину Ивана IV по имени Илья. Его потомки и владеют им, как и остальными артефактами, до сих пор. Боюсь, ни вам, ни кому-либо другому коллекцию посмотреть не удастся. Во-первых, она очень далеко; а во-вторых, владелец пожелал остаться инкогнито. Из документальных подтверждений есть только копия купчей с описанием. На начало нашего столетия оригинал

находился в архиве замка и, по-моему, до сих пор там. Окажетесь в Баварии, поинтересуйтесь.

– Может? – с надеждой в голосе спросил Петер и поджал губы, когда я отрицательно покачал головой.

– Мы слишком увлеклись. Есть дела насущные, и они никуда не денутся. Для начала ознакомьтесь вот с этими бумагами, – я протянул Дистергефту папку, – в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий создана интересная организация. В её состав входит ряд гражданских лиц аналогичных с вашей профессией. Скорее всего, вы их даже знаете. Эти учёные занимаются грабежом; шныряют по музеям, потрошат коллекции, вывозят библиотеки. Полномочия у них очень серьёзные. Понятно, что это не афишируется, но власти на местах в курсе, что они есть, так что грех не воспользоваться этим.

Я даже предположить не мог, насколько я угадал. Пробегая глазами по бумагам, Дистергефт брался за платок. От волнения у него выступал пот на лбу, а пенсне предательски соскакивало. Когда предварительное ознакомление было завершено, я продолжил:

– Обстановка такова, что очень скоро в Смоленске станут выпускать газетное издание. Как это будет обзываться: «Брехушка», «Обмани себя – продайся оккупантам» или как иначе – значения не имеет. Важно лишь то, что советские граждане оказались отрезаны от правильных средств массовой информации. Необходимо побороть страх, о котором вы,

Петер Клаусович, упоминали. Поэтому мы начинаем операцию под названием «Редакция приносит свои извинения о недоставке газеты в срок». Советские люди должны знать, что их не оставили.

Партию в два десятка газеты «Правда», спрятанную в потайной карман на спине пиджака, Петер повёз на почту, оседлав новый велосипед уже следующим днём. Только теперь перед въездом в Хиславичи он прятал его в лесу, пристёгивая специальным замком к дереву. Авдотья Никитична, получив газеты, подняла список подписчиков и разнесла «Правду» после работы по домам вместе с какими-то бланками из управы. К сожалению, подобное распространение прессы продолжения не получило. Кто-то испугался провокации, и большинство газет, оказавшихся в гетто, сами евреи принесли в комендатуру. Судьба этих несчастных оказалась печальна. Сам же Дистергефт навестил госпиталь. Сочувствующий своим соотечественникам немец подозрений ни у кого не вызвал, тем более что с собой он принёс наполненный зёрнами кофе кулёк. Врачи были в восторге, раненые раздували ноздри в попытках вдохнуть как можно больше столь забытого аромата. Естественно, напиток достался только офицерам. Солдаты довольствовались «вторым отжимом», это когда гущу заварили повторно, но даже его предпочли эрзацу. Об этом случае доложили, и из комендатуры примчался фотограф-любитель, недавний пациент госпиталя, запечатлевший Дистергефта на фоне выздоравливающих

солдат с кофейником и чашками. Представитель научных кругов и вермахт, иначе знания и сила в одном флаконе. Подобные аллегории во время войны всегда в почёте. Вскоре этот снимок был опубликован в Рейхе, в газете «Атака», а Петер Клаусович стал узнаваемым лицом, перед которым теперь открывались многие двери, по крайней мере, в больнице уж точно.

* * *

Перед двумя путниками, вышедшими из леса на большак, открылось широкое холмистое поле, на котором сновали фигурки людей, вяжущие последние снопы. Высокий, широкоплечий мужчина в однотонном костюме по последней венской моде и маленькая девочка с беретом, из-под которого выглядывали две косички, шли и о чём-то беседовали. Дорога, подобно ленте, извилисто петляла, обходя возвышенности и, казалось, что конца ей не видно. В первый день осени Петер Клаусович пришёл в Хиславичи вместе с Дайвой. В одной руке он нёс портфель, а второй держал девочку за ладошку. Одета в белую блузку с галстуком и тёмно-синюю юбку, как её немецкие сверстницы из «Союза девочек», Дайва смотрелась бельмом на глазу среди поселковых детей. Улицы, за исключение предместья, отделённого от центра села оврагом пустовали. И если в русской части, где поселились оккупанты, и было хоть какое-то движение, мальчишки кри-

чали: «Смотрите! Немка, немка идёт», – кидая в мужчину с девочкой огрызки груш, то по окольной дороге к управе их встретила тишина. В Хиславичах к тому времени существовало гетто со всеми его правилами и на дорогу выглядывали в основном старики, которые уже ничего не боялись. Пройдя мимо беседки госпиталя, Петер поприветствовал вышедшего покурить врача и, приняв его приглашение, присел на лавочку. Дайва пристроилась чуть в стороне.

– Петер, – начал разговор врач, – у вас дочка – красавица.

– Племянница, – поправил его собеседник.

– Извините. Зря вы водите её по улице. Заместитель коменданта Майс любит устраивать публичные казни. Я вам как педиатр говорю, это зрелище не для детской головки.

– Что делать, – посетовал Дистергефт, – начался учебный год. Иду в управу, узнавать, будет ли работать школа?

В этот момент к госпиталю подъехал автомобиль. Из «фиата», прозванного в народе за компактность «мышкой», выскочил солдат. Оббежав машину сзади, видимо, чтобы не загораживать своим телом «царю и богу» Хиславичей в одном лице архитектуру бревенчатого дома, открыл дверь, вытягиваясь в струну. Спустя пару секунд из салона высунулись начищенные до блеска сапоги, а затем вальяжно вылез и сам пассажир. Начальник района Шванде. Брезгливо посмотрев на покрытый пылью и грязью автомобиль, немец прошёл рядом с беседкой по дорожке к крыльцу и как только денщик-водитель подсутился с дверью, исчез в приёмном

покое госпиталя.

— Бог шельму метит, — усмехнулся врач, — Шванде подхватил какую-то срамную заразу ещё в Польше. За порошками приехал, тварь. Иногда, Петер, я сомневаюсь, что у таких, — кивок в сторону двери, — есть мать. Вот и всё, — посмотрев на часы, врач привстал с лавочки, — пойду ассистировать, сейчас привезут новых раненых. Говорят, под Ельней творится ад. Ребята передавали спасибо за кофе.

Управа находилась в коротком переулке, который все называли по фамилии первого владельца дома. Здание бросалось в глаза ещё с улицы, своим просторным, «в двенадцать столбов и двенадцать венцов» особняком, широким двором, как и положено обнесённым забором из отёсанных досок и ярко-красных ворот, вот уже много лет висевших на почернелых дубовых верях. Отчего их не покрасили, вместе с воротами, наверняка таким вопросом задавался ни один десяток проходивших здесь людей. Тем не менее у каждого строения есть своя неразгаданная тайна. Эта объяснялась просто — скаредность. С приходом Советов хозяин дома выкрасил ворота остатками дорогой краски, стараясь подчеркнуть свою принадлежность к новой власти, но так, чтобы в случае чего, не сильно бросалось в глаза. Это ему не помогло. Сначала его раскулачили, а затем отправили рыть канал, где он и сгинул. Потеряв хозяина, всё с воротами осталось по-прежнему, а дом закрепился за колхозом, где разместилось правление, не иначе выбравшее его исходя из конспиратив-

ного опыта. Тыном двор выходил на небольшую пустошь, где с самой весны обычно росли лопух с крапивой. За ней простиралось колхозное поле. А с северной стороны, как раз где соприкасались эти участки земли, был глубокий овраг, который терялся в сизой полыни и постепенно раздавался в стороны, пока не достигал леса, затем распадался, образуя лощину, поросшую по краям репейником. Идеальный путь для скрытного отхода. В начале этого оврага было глинище, там брала глину для стен и печей вся деревня, потому почти всегда летом дорога под окнами в переулке была словно окрашена. И стоит задуматься, случайно ли у первого хозяина дома была фамилия Краснов? В самой управе Петер Клаусович задержался недолго. Как бывший учитель, Евгений Владимирович уже озаботился у начальства на предмет возобновления работы школ. Ответ был отрицательный, но не окончательный. Красная Армия вела наступление на Ельню и Рославль, вследствие чего немецкому командованию было не до проблем каких-то школьников. Хиславичи вновь могли стать прифронтовой зоной, но вслух об этом не говорили. Расставаясь, Ржецкий попросил на обратном пути заглянуть к фельдшеру, жившему недалеко от госпиталя. Кто-то активно строчил доносы в комендатуру, подкидывая их в курилку. Отличительная черта кляуз, со слов полиция-переводчика, читавшего их Майсу, состояла в каллиграфическом почерке и правильно расставленных знаках препинания. Исповедь стукача Евгений Владимирович не видел, а

то б сам или с помощью учительницы русского языка вмиг бы определил негодяя. Чего греха таить: не одно поколение школьников прошло через их руки, и не одна тысяча тетрадей, проверенная под светом керосиновой лампы, а то и простой лучиной. Но то, что уже стали доносить, являлось тревожным сигналом для многих людей. Одним из них был местный фельдшер Семён Пантюхов, подавший перед самой войной заявление о вступлении в партию, и кто знает, будет ли в следующем доносе информация о нём? Из управы, перейдя дорогу, Петер заглянул в комендатуру. На приём к коменданту Долерману необходимо было записаться, сообщив цель аудиенции. Задумавшись, Дистергефт сказал секретарю два слова: «покупка машины». Тот с удивлением посмотрел на него и стал выводить пером буквы в журнале посещений. Едва он успел поставить точку, как зазвонил стоявший под лампой с зелёным абажуром телефон. Секретарь представился и соединил абонента с Долерманом. За дверью стали слышны слова: «Не имею возможности», «Все койки заняты», «Я не майор медицинской службы (Oberstabsarzt)», «Будет исполнено».

– Ганс! – раздался крик из-за двери.

Секретарь, он же, видимо адъютант, подскочил со своего места и предстал перед начальником.

– Немедленно организовать двадцать семь панцирных кроватей для госпиталя. Пусть Майс перетряхнёт всю эту жиловскую деревню вверх дном, и через три часа доложит о

выполнении приказа.

– Есть!

– Из бывшей больницы наверняка остались врачи. Мобилизовать в помощь. Пока они работают, их семьи будут жить. И ещё, на переливание крови отобрать здоровых русских. Лучше детей. Пусть будет с запасом.

Услышав про детей, Петер Клаусович поспешил из комендатуры. Дайва одна оставалась на улице, и стоило кому-либо заговорить с ней, как стало бы понятно, что к немке она никакого отношения не имеет. Заученных слов из учебника (по типу: «родители запрещают мне разговаривать с незнакомыми людьми») хватило бы ровно до второго вопроса. Следовательно: то, что Петер выдавал её за свою племянницу, выглядело как минимум странно. К счастью, девочка стояла в гордом одиночестве возле доски объявлений, делая вид, что читает один из приказов, на немецком, кстати, языке. У Петера аж от сердца отлегло. Поправив шляпу, он подошёл к объявлениям, пробежал глазами и, взяв у Дайвы портфель, тихо сказал:

– Нам пора домой.

Как ни спешили они оказаться возле дома фельдшера, раньше солдат не получилось. К тому времени, когда Дистергефт выяснил, где конкретно живёт нужный ему человек, дом уже пустовал. Только какой-то паренёк что-то откапывал на огороде под присмотром мужичка с белой повязкой на руке, вооружённым охотничьим ружьём. Не задавая во-

просов, Петер с Дайвой прошли мимо. К госпиталю из гетто потянулись люди, неся попарно кровати. Некоторые несли матрасы и подушки. Их сопровождали плачущие и причитающие старухи. Всё это шествие сопровождалось лаем собак, словно хвостатые просили вернуть добро хозяев обратно. Вдруг со стороны русской части села заголосили женщины. У них уводили детей, в основном мальчиков старше десяти лет. Эту какофонию звуков нарушил вид самолёта, за хвостом которого тянулся шлейф дыма. Сероватый, с жирными чёрными крестами бомбардировщик тянул на аэродром в Шаталово. Едва он скрылся за лесом, как раздался взрыв. В Хиславичах закричали «ура»! Кричал и фельдшер, сбросив с головы соломенную шляпу.

Бах! – раздался выстрел. Майс спрятал пистолет в кобур и, не обращая внимания на начавшего возмущаться врача, назначил поисковую группу из трёх кавалеристов взвода охраны.

Фельдшер так и остался лежать у стены с радостной улыбкой на лице. Радостной – потому, что взорвавшийся самолёт это была победа; потому что на одно врага стало меньше; потому что проклятые фашисты на себе испытали смерть. Жаль лишь, что с собой не успел утянуть одного из них. И скальпель уже в руке был, и подошёл почти. Чуть-чуть не успел.

Разбившийся «юнкерс» обнаружили недалеко от Шимановки. Немцы выставили пост и больше этого кавалериста

никто не видел. Узнать судьбу пропавшего можно было по листку бумаги. Нанизанная на ветку сломанной груши записка сообщала: «За каждого казнённого жителя Смоленщины мы закопаем одного из вас». Ветер вскоре сдул листок, а утонувшему в болоте немцу было всё равно, что напишут о нём. Полез он в трясину за портмоне погибшего лётчика, да надышался болотного газа. Много ли для асфиксии надо – две-три минуты подышать, и начинается головокружение, потемнение в глазах, а за ними общая слабость. Если сердечко слабое – этого достаточно, чтобы подкосились ноги и человек стал беспомощным. Оказавшиеся рядом мальчишки из Шимановки спасать врага в болото не полезли, зато листочек с надписью оставили. Единственное, побоялись подписаться, посчитав, что их косвенное участие в гибели фашиста не придаст авторитета пионерскому отряду. Где-то в это время и началась партизанская война в этих краях.

* * *

Утром третьего сентября Петер Клаусович попал на приём к Долерману. Выслушав «чокнутого историка», комендант пытался вспомнить, есть ли формуляр, запрещающий приобрести автомобиль в личное пользование не гражданину Рейха, но немцу по национальности? В памяти документ не объявился, и пришлось действовать по наитию, с известной долей прагматизма, когда истина зависит от множества

переменных.

«Вермахту и так не хватает техники, даже у него нет служебной легковой машины. Все перемещения на пролётке с извозчиком, а тут какой-то «учёный прыщ» желает! Но как уверенно он себя ведёт. Надо отказать», – подумал Долерман и, не успев произнести слова, раскрыл рот от удивления.

– Я понимаю, – видя задумчивость коменданта, сказал Петер, – моя просьба выглядит необычно. Но то, чем я занимаюсь тут, очень важно для Берлина. Я мог бы дать телеграмму или позвонить своему товарищу профессору Поссе, и поверьте, вопрос бы решился незамедлительно. Однако тратить драгоценное время светоча науки, а тем более генерала Герхарда Утикаля считаю верхом попустительства.

В голове коменданта прозвенел звоночек. Фамилия какого-то профессора, известного в научном мире, ему ни о чём не говорила, а вот про Утикаля он слышал. Причём на уровне слухов, а они, как известно, зачастую стоят рядышком с правдой. Слухи же эти утверждали, что камрад Герхард Утикаль пользуется необычайным доверием у руководителя Имперского министерства оккупированных восточных территорий.

– Простите, герр Дистергефт, Вы имеете отношение к Айнзац-штабу Розенберга? – заинтересованно произнёс Долерман.

В ответ загадочный вздох, который можно было расценить как: «конечно, имею, только есть ли у тебя допуск, услышать

правду».

– Но мне ничего неизвестно, – комендант прикусил губу, – ...какие ценности могут быть в этой дыре?

– По понятным причинам я не могу об этом рассказывать, есть приказ генерал-фельдмаршала Кейтеля о содействии нашей работе и там всё чётко сказано. Хорошо, – видя, что Долерман ожидает хоть какого-то, понятного для себя ответа, Дистергефт пошёл с козыря. Настоящий игрок всегда знает, с какой карты, когда ходить. Его ни чёрт, ни сам сатана не собьют. И Петер сыграл: – Я напишу номер телефона в Берлине. При желании можете уточнить, кто такой Петер Клаусович Дистергефт и что значит для Германии наследие Штауфенов. Если вам будет недостаточно и этого, то у меня нет больше аргументов.

– Да, напишите номер, это бы сняло все возможные подозрения. Поймите, – стал как бы оправдываться Долерман, предлагая перо и бумагу, – по роду своей службы я обязан знать о каждом.

Спустя минуту он уже читал строчку цифр с фамилией. Позвонить в Берлин из Хиславич комендант теоретически мог. Заказать разговор через Смоленскую комендатуру при наличии свободной линии в Починках, затем дожждаться соединения с Минском, оттуда с Варшавским узлом связи и лишь потом поговорить с абонентом в столице. Загвоздка была только в том, что ему пришлось бы ждать до самого вечера, не отходя от телефона. Слишком незначительную сту-

пень он занимал в иерархии. Вошь – в масштабах Рейха.

– Тогда позвольте рассказать мне, – взял инициативу разговора в свои руки Петер, – как я вижу решение моей проблемы.

Комендант, соглашаясь, кивнул головой.

– Отступающие большевики бросили огромное количество автотранспорта. К сожалению, эксплуатировать какую-то часть легковых автомобилей весьма сложно, если не сказать опасно. Русские совершенно не умеют обращаться с техникой. Я готов выкупить не представляющий интереса для доблестного вермахта один из таких автомобилей, например, ГАЗ-М1, её ещё называют «эмка», и соответственно отблагодарить. Скажем, на всё это я могу истратить восемьсот рейхсмарок, если автомобиль будет ремонтпригоден и у меня не возникнет проблем с документами на него.

Комендант вновь кивнул, но уже с улыбкой, размышляя над словами профессора. «И надо было затевать всю эту историю про людей Розенберга? Хотя это объясняет наличие у него шальных денег. Сказал бы сразу, возьми, Долерман, восемьсот марок, да дай команду привезти из Починок одну из разбитых машин. На бывшей станции МТС их там с десятком стоит, сам видел. Как раз вчера поступил приказ о направлении туда на работы слесарей. Бригада бронетехнику ремонтировать не успевает, а легковушки так вообще в последнюю очередь будут. Значит, стоять им там долго и упорно, пока не заржавеют. Так что Герман, старый австрийский

лис, мне не откажет, наоборот, с удовольствием избавится от лишнего хлама. Ну, «прыщ учёный», только тумана вокруг себя напустил. Одну минуту, а не совместить ли нам наши интересы?»

– Герр Дистергефт, завтра в пять утра я отправляю четверых русских в Починки. Вы удивитесь, но именно там есть возможность посмотреть на интересующий вас предмет. Рабочих повезут на комендантском грузовике. Вы же, как мне говорили, живёте в заброшенной усадьбе в двух часах хода отсюда?

– Да. Вверх по реке.

– Прекрасно, – поглядывая на карту района, произнёс комендант. – Ждите машину в Черепово, возле дома старосты. В пять тридцать, вас подберут. Не побрезгуете проехаться в кузове вместе с быдлом?

– Разве в кабине места не найдётся?

– Я не могу назначить вас старшим машины, – вежливо возразил Долерман. – В канцелярии на вас выпишут проездные документы.

– Хорошо, поеду в кузове.

– И ещё, человек, который будет всё решать на месте, из Вены, большой любитель кофе. Для получения хорошего результата будет не лишним сделать скромный подарок, – произнёс Долерман, руками показывая размер подарка, где-то на четверть фунта зёрен. – Для вас это не составит труда? Передать можно с водителем.

– Как я вернусь обратно? – забеспокоился Петер.

– Если всё получится, то на этом же грузовике вместе с вашим грузом. К тринадцати часам машина должна стоять у комендатуры пустой. С номером, как я понимаю, проблем не будет?

– Надеюсь, что нет, – неуверенно ответил Петер.

– Единственное, что посоветую, так это оставить на первое время прежний. Так многие делают, особенно проныры из люфтваффе. Поставим штамп нашей полевой почты, а буквы WH дорисуете на крыльях. Я больше вас не задерживаю.

– Спасибо, герр комендант, – произнёс Дистергефт, оставаясь сидеть на стуле. – У меня будет ещё одна просьба, служебного характера. С двадцать пятого июля введён двухзначный почтовый индекс, так мне на почте сказали. Без него мою бандероль принять не могут.

– А я чем могу помочь? – удивлённо ответил Долерман.

– Дело в том, что почта ещё не получила индекса этой территории⁴. Я не могу правильно написать обратный адрес. Фрау Авдотья отказывается пересылать бандероль.

Комендант чуть не схватился за голову.

– Герр профессор! Какие же вы учёные сложные люди! Вы можете проще изъясняться. Что конкретно от меня надо?

⁴ пос. Хиславичи входил в Белорутенский генеральный округ с главным округом г. Смоленск. В момент описываемых событий граница округа включала только западную часть области. Письма отправляли, а посылки и бандероли принимали только с индексом.

– Отправьте бандероль в Берлин по своему ведомству.

– Да я точно так же отправляю письма, как и все солдаты!

Хотя что я объясняю. Давайте бандероль. Так, а марки где? Что-то много. Это рукопись?

– Не совсем, – еле слышно ответил Дистергефт.

– Ладно. Идите уже, Петер Клаусович, идите. Отправим бандероль. Завтра только не опаздывайте.

Петер вышел из комендатуры и утёр платком лоб. С момента отправки бандероли в Берлин начиналась многоходовая операция, после которой археолог становился самым настоящим «иезуитом войны». От него не требовались навыки ликвидатора, умения ножевого боя или скрытого минирования; всё оказалось гораздо сложнее: будучи на виду, ему предстояло прикрывать собою товарищей.

Дистергефта я встретил у края лесного бора, в полуверсте от Хиславичей. Увидев, что я вооружён, Клаусович как-то обмяк и даже стал ниже ростом. Но парочка шуток, два-три анекдота и «профессор» повеселел. По дороге он рассказывал, как сумел договориться, и что ни свет, ни заря ему придётся переть в Черепово, и что он совершенно не понимает, где будут сгружать автомобиль, так как грузовик по мостикку не проедет. Пришлось раскрыть часть плана. На самом деле Петеру Клаусовичу машина была нужна как собаке пятая нога. Он-то и с телегой, запряжённой лошадью, плохо справлялся, не говоря о «стальном коне». Но тут был важен сам факт наличия авто. Даже если бы Петер и научился «шо-

ферить», то всё равно бы не перестал интересоваться запасными деталями, топливом и всем тем, что связано с обслуживанием автомобиля. На данный момент восстановление «эмки» означало регулярную возможность официально посещать Починки, или, при некоторой удаче, и иной районный центр. Сначала самому Дистергефту, а потом, возможно, и нанятому водителю. Легальное передвижение на первых порах для снабжения подполья, в том числе и газетами, вот чего я добивался. Как только это было выяснено, Петер изъявил желание взять с собой в дорогу какую-нибудь агитацию. Ведь проезжать они будут через несколько деревень, и он сумеет незаметно скинуть с кузова листовку, газету или какую-нибудь брошюру. Отказывать не стал.

В три часа утра я посадил Петера Клаусовича на велосипед, снабжённый фонарём, поправил резинку на багажнике и, объяснив, как добраться до хутора Тростянки, где и придётся сгрузить «эмку», а оттуда по дороге на Черепово; запер за ним ворота. Дистергефт из озорства трынкнул звоночком и закрутил педали, освещая себе путь. Спустя два часа, вслед за Петером, вышел и я. Дайва осталась на хозяйстве с методическим пособием по радиостанции. Успехи у девочки были потрясающе. Безусловно, занятия в радиокружке заложили тот самый базис, без которого никуда, а присовокупив усердие, трудолюбие и талант – результаты превосходили все ожидания. Ей не хватало только усидчивости, но это было поправимо. Она уже знала, как настроить на приём или пере-

дачу практически любую рацию, которые были у меня. Умела работать как в телеграфном, так и в телефонном режиме. И один раз, думая, что никто не узнает, передала в эфир послание для своей мамы. Ребёнок, что с него взять?

К деревне Прилепово, по мало исхоженной лесной тропинке, двигаясь параллельно реке, я добрался через час. Чаща простиралась отсюда от самой реки, прерываясь на широкую подковообразную поляну, где и расположились дома, и уходила дальше, отдав покосным лугам весь северо-запад. Здесь, у приметного дерева, в двухстах шагах от околицы у меня был тайник. Вынув из футляра бинокль, я осмотрел местность. Ничего примечательного, деревня как деревня. На берегах Сожа они все примерно одинаковые: с соломенными крышами на избах и гумнах; с волнистыми, обязательно разнообразной высоты изгородями бесчисленных огородов; с фруктовыми деревьями вдоль дороги. Так было и пятьдесят лет назад, и сейчас ничего не изменилось, хотя кое-что добавилось. Недавно появившиеся электрические опоры в виде столбов, просмоленные на аршин от земли, несущие на своих ярко-белых изоляторах провода. Смотришь на всё это – вроде как и войны нет, даже лошадь с жеребёнком пасётся. Почти полтора десятка дворов, если точно по шнуровой книге – шестнадцать, но не всё так просто.

Военного гарнизона для мелкой деревушки оккупанты не оставили, только назначили старосту. Точнее он назначил себя сам, даже хлеб-соль преподнес немецким мотоциклистам

в июле, чем заслужил доверие. А затем и удивление, когда разведывательный взвод фашистов танковой дивизии генерала Шааля, следуя указателям на столбиках, встретил возле его дома накрытый накрахмаленной скатертью метров в пять длиной стол; с водкой, с караваем, с салом и даже патефоном, игравшим песни чуждой здесь, но радостной для германского слуха Цары Леандер. То, что немцы задержались в Прилепово на пару часов, тем самым дав возможность эвакуировать техников с Шаталовского аэродрома, знали единицы. Одним из них, который и рассказал о хитрости, был участковый из Хиславичей, успевший ускакать на лошади буквально из-под носа фашистов. В начале августа, когда у оккупантов стал вопрос об усилении местной власти за счёт полицаев, староста, не дожидаясь помощи, в свою очередь учредил силы самообороны из трёх братьев непризывного возраста, вооружив их дробовиками. Даже фотографии с характеристиками в комендатуру отвозил. Немцы нарадоваться не могли такому сообразительному и, что важно, инициативному помощнику. Потом Савелия Силантьевича на несколько суток забирал третий отдел абвера. Контрразведчики интересовались недалёким прошлым деревенского старосты. Обнаружив архив Смоленского НКВД, кто-то глаза-стый просматривал списки «врагов народа» и наткнулся на инициалы с буквами «С», пошутив, что для одной властной организации большевики уже заранее готовили кадры. Шутка шуткой, а это был тот самый Савелий. Пришлось ему рас-

сказать, как прятался в подполье и сколько натерпелся от старой власти, пока не пришли «освободители». В ответ на откровения ему показали донос, на основании которого было заведено дело. Натан Соломонович, внештатный корреспондент-фотограф смоленской газеты, сообщал, что некий бывший белогвардеец собирает в доме оружие. Всё написанное было правда. Солдатом призвали его в армию. Служил, до унтера вырос, чего ж отрицать? Собирал ли оружие? Собирал и прятал! Только не для борьбы с законной властью, а чтобы германца достойно встретить. «Такого молодца хоть на доску почёта вывешивай», – подумали абверовцы и отпустили. Когда же призванные следить за порядком братья, на следующий день по возвращению Савелия Силантьевича из фашистских застенков, спалили дотла в центре деревни еврейский дом, засняв деяние на фотоаппарат погорельца, то Прилепово навестил мрачный эсэсовец. Все жители получили новые документы, а Савелий выправил им какие-то должности, гарантировавшие работу по месту жительства. С тех пор в лояльности новому режиму со стороны старосты никто не сомневался, а зря.

Отодвинув в сторону булыжник и потянув за кольцо, я приоткрыл дверь тайника. Помимо нужных вещей там лежал завёрнутый в полиэтилен ящик с радиоприёмником. Закладка была сделана ещё до войны, и пока было время, я проверил работоспособность муляжа под трёхламповый 6Н-1. Подсоединив питание и сделав громкость на минимум, я

прислонил эбонитовый наушник к уху. Раздалось шипение. Без выносной антенны поймать на коротких волнах Всесоюзное радио не получалось, но приёмник работал, а это главное. Теперь мне необходимо было подать сигнал, что встреча может состояться. Каждую вторую неделю месяца, с понедельника по среду, Савелий Силантьевич выходил из деревни в лес к семи часам утра, якобы проверить силки. Если у трёх берёз была воткнута в землю палка, то он оставался ждать. Вот и сейчас, оставив опознавательный знак, я скрылся за деревьями, высматривая связного. За четверть часа до назначенного времени к околице вышел человек: высокий, немного грузный, как случается нередко, когда пошёл пятый десяток, медлительный, но нисколько не скованный в движениях. Зевнув, он посмотрел на запястье левой руки и твёрдой походкой направился к опушке. За плечом у него виднелась двустволка. Пройдя рядом с берёзками, он на секунду задержал на них взгляд, вынул из кармана кисет и стал мастерить самокрутку. Закурил.

– Савелий Силантьевич, – позвал я его, – корову в деревне продают?

– Нет, только козу, – услышал отзыв.

Я вышел из-за дерева. Поздоровались.

– Что-то раньше ты, Савелий, ружьишко с собой не таскал.

– Так и я смотрю, не с палкой ты сюда пришёл. Снедать будешь? – Староста вынул из кармана завёрнутый в холстину

брикет. – В лесу, чай, с харчами негусто?

– Это смотря в каких лесах, – отшутился я, – присядем?

Положив мою плащ-палатку на землю, мы уселись. Савелий развернул холстину. Два куска ржаного домашнего хлеба, а посередине пластинка сала, толщиной в два пальца. Отмахнув ножом половину и взяв угощение в руку, я впился зубами в хлеб.

– Вкуфно, – промолвил я с набитым ртом.

– А то. Ты, Николаевич, ешь, не стесняйся. Голод не тётка.

Закончив завтрак, мы перешли к делу. Развязав мешок, я вытащил радиоприёмник.

– Помнишь, перед войной ты антенну к печной трубе мастерил?

– Помню. Диковинная такая, с вертушечкой, как забыть?

– Там на конце чёрного провода «пимпочка» есть, штекер называется. Так вот, ты его в эту дырочку воткни, бублик, вот здесь, со щелчком покрути и будет тебе радио. Хочешь так слушай, а хочешь через наушники. Этим колёсишком ловят радиостанции. Только ты без нужды пока не трогай его, там уже всё настроено. В восемь часов Москва «Последние известия» передавать будет. А как закончишь, вот сюда красный проводок всунешь, стало быть, аккумулятор подзарядить.

– Вот спасибо. Это ж получается, люди Сталина услышат? – заволновался Савелий.

– Если он по радио выступать будет, то услышат.

– Надо чтоб выступал. Сил у меня уже терпеть нету! Деревенские бабы каждый день у меня спрашивают: Красная Армия когда придёт? А я им – терпите, бабоньки, недолго осталось. Двойную личину на себе ношу. В соседних деревнях упырём величают.

– И я тебе так же скажу. Терпи, Силантьевич. Не везде такие люди, как ты, есть. Не станет тебя, кто им надежду даст? Красная Армия сейчас за Ельню бой кровавый ведёт. Рвёт врага, да только много их.

– За Ельню бьются? Что ж они за Прилепово не бились? Стратеги, прости Господи! Пойду я, Николаевич. Восьмой час уже скоро. Буду радио ловить.

– Я тебе тут газет свежих насобираю, конфет детям, табака мужикам, чай, лекарство для Серафимы, колени мазать. Ты осторожнее там. Вдруг кто? – на прощанье сказал я.

– Не бойсь, – с блеском в глазах ответил Савелий, – они у меня во где, – показал мне сжатый кулак и ударил себя в грудь, – я для прилепчан советская власть!

«Дай-то Бог, чтоб ты сохранил жизни прилепчан, Савелий Силантьевич», – подумал я и скрылся в лесу.

К двум часам дня, изрядно пьяный, на велосипеде прикатил Петер Клаусович. «Эмку» ему дали, вернее продали и даже презентовали насос. Только ездил он не в сами Починки, а на станцию Энгельгардтовская, что по расстоянию не так и существенно. Впечатлений набрался до рвоты. Разбитую русскую технику не восстанавливали, чинили только немец-

кую, но с привлечением пленных красноармейцев. Нелюдь Герман на его глазах застрелил одного из них, когда понял, что военнопленный соврал, представляясь механизатором. Многие специально называли дефицитные гражданские профессии, так как появлялся шанс сбежать из лагеря на работах или пообедать сухим пайком, а не баландой. Немцы это знали и своими зверствами пытались эту практику пресечь. Ещё одного «австрийский лис», так называли его сослуживцы, до смерти забил кувалдой. На этот раз ему показалось, что тот был евреем. Перед этим он построил всех военнопленных, накалил на горелке сделанную из толстой проволоки шестиконечную звезду, и ходил вдоль шеренги, выявляя кандидата для пыток. Когда всё это мне рассказывал Петер, его рвало. Единственное, что он попросил – это водки. Утром, искупавшись и гладко выбрившись, Петер Клаусович встал на колени перед Дайвой и попросил прощенья за весь немецкий народ. Девочка заплакала и убежала к себе в комнату. Пришлось поднимать «профессора», усаживать на диван и пытаться выяснить все подробности. Сделал он немало. Без четверти пять Петер попал в Черепово, велосипед – великая вещь. Подъехав к дому на площади, это было здание бывшего поселкового совета, Дистергефт как сеятель обронил газету у забора с объявлениями и, оставив двухколёсного друга напротив парадного входа, стал дожидаться машины. Спустя полчаса к нему подбежал запыхавшийся старичок, выяснил, не из Хиславичей ли он ждёт транспорт и, пе-

рекрестившись со вздохом: «еле успел», пристроился рядом. Это и оказался староста Черепова. Клаусович разговаривал с ним, узнал, что тот бывший учитель начальной школы, угостил сигаретами. Когда болтали за жизнь, подъехал грузовик. Петер оставил на сохранение новому знакомому велосипед, а сам, подхватив поклажу, пошёл показывать свои документы старшему машины. И тут он обратил внимание, что из кармана учителя торчит его обронённая газета. Потом была тряска в кузове грузовика. Ни о какой сброшенной по дороге листовке речи не шло. Четыре пары глаз с ненавистью смотрели на немца. Единственное, что смог сделать Дистергефт, так это постучать по кабине на въезде в Хицовку, просясь в туалет. Там он и оставил на гвозде часть пропагандистской литературы. Возможно, это был самый лучший способ донести печатное слово в массы. Всяк посетивший будочку с выпиленным ромбиком на двери, мог в тишине и спокойствии прочесть призыв и сделать выводы. Затем они въехали в Шаталово, где впервые машину проверили и через пару километров уткнулись в кирпичное здание, напоминавшее конюшню, вокруг которой расположилось кладбище техники. Штук шесть лёгких танков, три десятка грузовиков и пяток легковых автомобилей. Причём слева от здания земля была перепажана воронками. Как потом рассказали Петеру, тут поработал русский бомбардировщик. Осмотревшись, Клаусович передал пакет с кофе в лапы водителя, и тот через несколько минут подвёл к Дистергефту начальника ремонт-

ной базы Германа, абсолютно рыжего по кличке «Австрийский лис». Перебросившись парой слов с немцем в замызганном комбинезоне, Герман указал пальцем на более-менее приличную «эмку», пометил её мелком, собрал несколько ключей в сумку, бросил между сиденьями легковушки, после чего положил туда насос и, выдав какую-то справку водителю, приказал работягам из Хиславичей заталкивать по доскам автомобиль в кузов грузовика. Толкали задом, руль у машины фактически не функционировал, что-то где-то сломалось и хорошо бы только там. Правое крыло с тремя глубокими царапинами, передние колёса пробиты; и это оказалось лучшее, из чего можно было выбрать. Как выяснилось, Петер Клаусович являлся далеко не первым охотником за машинами, и вся техника, которая могла своим ходом покинуть свалку, досталась более расторопным. После этого привели военнопленных, и начался ад. «Профессор» настолько испугался и впал в ступор, что напрочь забыл про газеты. Мечтая быстрее унести ноги из этого места, он вжался в заднее сиденье машины и не высовывался. Когда уезжали, Петер впервые за многие годы молился. Благо учитель из Черепова сообразил, да налил стакан самогона, снял стресс. Там же в деревне силами местных и сгрузили «эмку».

– Вы, Петер Клаусович, задание своё выполнили, только я же не просто так просил сгрузить автомобиль на хуторе в Тростянке. Придётся нам его в Черепово оставить, жаль.

– А если лошадей запрячь, – подал идею Петер, – да до

Тростянки дотянуть?

– Где вы лошадей возьмёте, Петер Клаусович? Их в первую очередь реквизируют.

– Да, правда, я как-то не подумал. Постойте, можно попросить у коменданта людей. Он очень любит деньги. Когда я был на станции, то сам слышал, что из лагеря военнопленных красноармейцев забирают на работы.

– Это не в его власти. Хотя отсюда до Шаталово недалеко. Попробуйте. Скажите ему, что нужно четыре человека, желательно, чтобы один из них был шофёром. Предложите ему по пятьдесят марок за каждого, поторгуйтесь, но с условием.

– Каким?

– Люди останутся у вас для работ. Наврите, что вы затеяли раскопки, тут, кстати, недалеко есть курган. Я предоставлю артефакт времён императора Фридриха. Покажите ему якобы найденную вами восковую печать или ржавый меч.

– Долерман, по-моему, не имеет даже среднего образования. Он не отличит Фридриха Второго от Третьего. Но я попробую. Меня вот что волнует, а не слишком ли много денег? Инженер в Германии четыреста марок получает, учёный моего уровня триста в месяц. Откуда у меня подобные сбережения? Очень подозрительно и как быть с конвоиром и где разместить людей?

– Скажем, я не сильно ограничен в этой резаной бумаге, именуемой рейхсмарками. Но вы отчасти правы, не стоит сорить денежными знаками, посему каждую марку отдавайте

скрепя сердце.

– Хорошо.

– Теперь о конвое. Чужаки нам здесь не нужны. Можно договориться со старостой из Прилепово, он у Долермана на хорошем счету. Савелий Силантьевич четверых приютить сможет, но лучше, чтобы вам разрешили носить оружие, хотя бы гладкоствольное. Тогда и отсутствие конвоя объяснить можно.

С таким напутствием Петер Клаусович отправился в Хиславици. С собой он взял тысячу рейхсмарок и на своё удивление довольно быстро договорился с комендантом. В этот раз он даже не записывался на приём, хотя и с ноги дверь тоже не отворял. Секретарь просто доложил, что явился профессор. Прозвище почему-то приклеилось к Дистергефту, вероятно, по судьбе у него было им стать. Комендант приветствовал вошедшего стоя, предложил присесть и во время разговора всё время ухмылялся. Видимо, ему рассказали про поездку, как трясло Клаусовича после казней, и чувство превосходства своего духа перед «учёным прыщом» скрыть не мог. Даже когда Петер заикнулся об охотничьем ружье, Долерман всё с той же улыбочкой не увидел препятствий, предложив любое на выбор из трофейного арсенала. Только вот с патронами была проблема. Оказывается, в районе уже есть спортсмен-охотник, расстрелявший их практически все. Так что если «профессор» найдёт пути подхода к начальнику района Шванде, то милости просим. Но есть и ещё

один путь. Это поступить на должность переводчика. Тогда и пистолет получить можно, а то и целый карабин. Подумаешь, привлекут пару раз что-нибудь перевести, зато на службе Рейха. Петер Клаусович пообещал подумать, сделав упор, что на службе он находится уже давно, а службы они разные бывают. После этих слов ухмылочка у Долермана пропала, и было от чего. Утром из Смоленска пришла телефонограмма, извещающая все комендатуры об усилении охраны любого мало-мальски значимого музея по всей области. Готовились к прибытию в середине сентября какого-то шишки из аппарата Розенберга. У Долермана это вылетело из головы, музеев-то в Хиславичах не было, а «профессор» возьми, да напослани, с кем дружбу водит. В итоге сошлись на ружье без патронов, номер которого был вписан в разрешение. Так что рассчитался Дистергефт тысячей марок и за машину и за услуги, условившись, что месторасположение военнопленных, о прибытии которых староста известит, будет в Прилепово. А уж с конвоированием он как-нибудь сам решит. Как только за посетителем закрылась дверь, комендант пересчитал деньги и приказал соединить с Германом из мастерских в Шаталово. Через несколько минут секретарь доложил о выполнении, и Долерман услышал:

- Здесь Рейсс.
- Приветствую, Австрийский лис. Это Долерман.
- Машина добралась до тебя?
- Да. Всё, как договаривались. Сам заберёшь, или матери

выслать?

– Лучше домой. Сегодня ты жив, а завтра русские бомбы превратят тебя в фарш. Ты поэтому позвонил?

– Нет. Похоже, мы можем провернуть дельце, как когда-то в Польше. Окажи услугу, пришли завтра мне четверо русских. Один из них должен быть водителем.

– Где я тебе возьму водителя?

– Двадцать за каждого.

– Тридцать.

– За водителя двадцать пять. Это последнее слово. Рядом с тобой за крынку сметаны можно выменять. И чтоб не буйные были.

– Так пойд и поменяй.

– Не нервируй меня, Лис...

– Ладно. Завтра будут, но верни грузовик к вечеру.

Долерман положил трубку. «Как хорошо иметь родственником такого придурка», – подумал комендант и отложил часть суммы в сторону. Оставшиеся деньги легли в несгораемый шкаф, где уже дожидались нового владельца золотые коронки, кольца и несколько монет царской чеканки. Всё это было отнято у недавно расстрелянных хиславичевских евреев. Конечно, кое-что утекло комендантскому взводу, за всем не уследишь, но львиная доля осела именно в этом сейфе. И если брат жены, Австрийский лис, убивал из удовольствия, то Долерман из жадности. Неважно, кто попадал под его власть: русский или белорус, украинец или еврей, по-

ляк или литовец; если на нём было золото или какая ценная вещь, мерзавец возжелал получить это себе. К людскому несчастью, золотой телец старательно оберегал своего адепта. Во Франции в Долермана стреляли из рогатки – только шишка на лбу; в Польше пытались отравить – выжил, даже здоровее прежнего из госпиталя вышел; теперь наступил черёд Смоленской земли.

Выйдя из комендатуры, Петер навестил почту, а потом и госпиталь. Ему очень хотелось пообщаться с кем-нибудь нормальным. От разговора с Долерманом его снова стало тошнить, настолько неприятный был тип. Знакомый врач по традиции пригласил его в беседку, где обратил внимание на его глаза. После чего попросил Дистергефта показать язык, коснуться пальцем кончика носа и поставил диагноз.

– Я уже отвык от нормальных болезней. У вас, мой дорогой, самый настоящий невроз. Перистальтика замедлена? Я прав?

– О чём вы? – не понял его Петер.

– Тошнота, рвота есть? – не унимался доктор.

– Да. Со вчерашнего дня. Мне так плохо было, я ещё стакан самогона выпил.

– Пить чай с мятой, больше спать, вкусно есть и никаких переживаний.

Петер попытался узнать подробности заболевания, но в этот момент появился санитар, сообщив, что лейтенанту Людвигу стало плохо, и врача просят к раненому. Попрошав-

шись, Клаусович докурил сигарету и расстроенный своей внезапной болезнью побрёл к спрятанному велосипеду.

* * *

Шестого сентября наши отбили Ельню. В немецких тылах началась суматоха. Прибывшие в госпиталь раненые говорили, что русские собрали невероятные силы и на одного Ганса приходится как минимум семь Иванов. Кто-то рассказывал, что несколько дней назад заткнуть дыру на передовой послали роту охраны командного пункта, а это уже ни в какие ворота не лезло. Активизировалось подполье, и резко иссяк поток доносов. Политику закручивания гаек в отношении местного населения приостановили. Временно, конечно, пока не будут созданы специальные подразделения. Солдаты же неохотно выполняли карательные функции, уже допуская возможность оказаться в плену и ответить за злодеяния, о чём раньше и не думали. За нарушение комендантского часа, как и прежде, стреляли на месте, но разрешили торговать на рынке за рубли, причём забирать понравившиеся немцам вещи у продавцов запретили. В эти дни к Сожу всё чаще стали выходить люди окрестных с Хиславичами сёл и деревень. По реке плыли газеты. Запаянные в целлофан и привязанные к обрезку доски или к чурбаку. Иногда в свежую газету был вложен «боевой листок», из которого можно было узнать о подвигах советских воинов. Также

встречались напечатанные на сероватой бумаге фотографии пленных немцев, их разбитая техника и списки потерь дивизий, статьи военных корреспондентов и рассказы воевавших в Смоленской области бойцов. Но больше всего людей заинтересовал рассказ о танкисте Колосове, про действия которого был написан очерк, с припиской, что корреспондент будет неусыпно отслеживать боевой путь красного командира, о чём поделится с читателями в следующем номере. В Богдановке одна женщина предположила, что Колосов по описанию подходит под жениха Варьки Журавлёвой, жившей в Ивановке. Следовательно, в газетке пишут почти про их земляка, а это как об ушедшем на фронт родственнике услышать. И пошла гулять людская молва. Да не просто так, а с пользой. И пацан, сидящий с удочкой у бережка, без сожаления выдёргивал крючок из воды с почти подсёкнутым карасём, заметив проплывающую деревяшку. А вдруг там газета? И тогда он герой, как Иван Сидорович Колосов. Потому что он такой же смелый и не натурит в штаны, неся газету мамке. Понятно, что герой в масштабах своего села, но так и танка у него пока нет, только удочка.

Через несколько дней, когда наступление под Ельней стало выдыхаться, я совершил первую диверсию. Произошло это возле деревни Мокрядино. Места те известные, и очень мне хорошо знакомые. Именно там, давным-давно, веке так в третьем, выросло городище. Тушемлинская культура, так сейчас называют историки эту территорию. Сюда я собирал-

ся направить Петера Клаусовича, дабы тот мог заниматься своими археологическими исследованиями. А пока я смотрел на наведённый немцами, взамен частично обгоревшего старого, мост. Портил он мне всю погоду, и как назло длина его была метров так двадцать, следовательно, охранялся парным постом. Узнав о распространении большевистской агитации, Шванде отдал приказ проследить вверх по реке, от какого места начался подбор из воды газет, для сужения круга поиска и поимки преступников. Нужно было, чтобы плывущие по реке «плотики» исходили именно с этого моста. Тогда вариантов сброса печатной продукции оказывалось множество. От проезжающего по переправе транспорта до невероятно ловких подпольщиков, сумевших обмануть постовых и, перегнувшись через верёвочные перила, на глазах у всех сбросить в реку деревяшку с «боевым листком». О том, чтобы пробраться к мосту по берегу, речи не велось. Немцы вырубали весь кустарник у воды, оставляя возможность плыть по реке, которая закончится после первой пулемётной очереди. Тут как повезёт. В принципе, тёмной ночью, на надувной лодочке, вниз по течению, внаглую – есть шанс. Один из ста. Проще пострелять караул, что в принципе тоже возможно. Засесть где-нибудь поблизости, желательно на возвышенности и лупи в немчуру. Он из караулки на пост, а ты ему пулю в лоб. Да только не по одному они мост охраняют, и гуськом подставляя головы, не стоят. В теории многое возможно, на то это и теория. На практике, имея только стрел-

ковое оружие, один человек охрану моста не отработает.

Осмотрев ещё раз все возможные подходы к переправе, я повернул бинокль в сторону караулки. Располагалась она в шагах шестидесяти от моста, на правом берегу реки. Небольшое, осевшее в землю практически до окон бревенчатое здание, украшенное ярко-красным кирпичом печной трубы. Кладка свежая, предвоенная. Печку хозяин обновил, а крышу не успел. Хлипкая крыша, со стороны дороги покрыта гонтом, как напоказ, а с тыла солома. Ближе ко мне крохотная пристройка с поленницей дров у стены, широкая колода, козлы с бревном и двуручная пила. Чуть дальше к дороге, в тени дерева стоит мотоцикл с изрешечённой осколками коляской. Новой техники в тыловых частях нет. Рядом пристроена лавочка, на которой восседает усатый фельдфебель, по возрасту из старослужащих, лузгающий семечки или орешки. От меня до него метров семьдесят, в бинокль даже волосы на ушах видны, и как он закрывает рот рукой, сверкая золотым кольцом на мизинце. Да и не столь важно, что он грызёт. Возле него стоит ещё один, с погонями унтер-офицера, держит в руках прут и гоняет пятерых тощих солдат в полной выкладке. Вот они построились в шеренгу, а тот, что с прутиком, принялся им толковать:

– Стой, кто идёт! Тот, кто после третьей команды «стой» не остановился, пусть пеняет на себя, часовой имеет право его застрелить. Предупреждение можно не говорить и огонь можно открывать, если явно виден враг. Вам ясно, идиоты?

В ответ молчание. Видимо, особо говорливые уяснили, что командиру начхать на их мнение.

– Смирно! Вольно! Винтовку на караул! Подразделение кру-у-у-гом! Занять позицию!

Солдаты, спотыкаясь, побежали к окопам у моста. Усатый остался на лавочке, указав пальцем на самого первого, мол, этот кое-что уяснил. Но немец с прутиком не унимался, вставив в рот свисток, он подал сигнал, после чего крикнул:

– Внимание, газы!

Не обращая внимания, как идёт муштра, я задумался, а ведь эти пятеро должны как минимум желать своему фельдфебелю всех земных бед. Не понимают ещё, что он учит их выживать. Небось думают, как бы подставить его, чтобы убрали мучителя подальше от них. Подстава! А почему бы и нет? В голове возник план. Если сейчас, пока идут занятия, по старому рву, оставшемуся непонятно с каких времён, проползти до поленницы и засунуть за дровами с десятков, завёрнутых в целлофан газет, то на мост можно и не зариться. Достаточно будет кое-кого известить, о том, где надо искать. А ловить шпиона среди своих – занятие весьма увлекательное. Особенно среди невиновных. Тут землю рыть будут, стараясь уличить.

Оставив рюкзак на месте моего наблюдательного пункта, со свёрнутыми в трубочку газетами за пазухой я пополз ко рву. На месте учений уже раздавались два голоса. К немцу с прутиком, наверно, присоединился «усатый». Выражения

стали витиеватей, а команды чаще и громче. Пусть забавляются, главное, чтобы не пошли в атаку в мою сторону. Минут через пятнадцать я дополз к колоде для рубки дров, и до поленницы осталось всего ничего, как команды прекратились. Солдат вновь построили. Надо было спешить. На полусогнутых я бросился к сложенным дровам, сунул за ними газеты и попятился задом. Окно избушки в этот момент распахнулось, оттуда высунулась рука с кружкой и за угол, прямо на меня полетели брызги остывшего кофе из цикория.

Палец сам нажал на курок пистолета. И я никак не мог понять, отчего не слышно выстрела. Так и пятился, стиснув рукоятку, давя на спуск. Уже во рву, подавив в себе страх, я сообразил, что не поставил оружие на боевой взвод. Вроде чего там сложного? Дополз до избушки, подложил газеты и смылся по-быстрому. Правду скажу, не сложно, но очень страшно. Потому как когда ползёшь, спиной чувствуешь рыскающий ствол пулемёта, да пару-тройку глаз, шарящих по округе, выискивая, как кажется, только тебя. И страх этот оттого, что ты один, а их много, и некому твою беззащитную спину прикрыть. А воображение отключить, так ещё хуже может стать. В партизанской войне надо каждый шаг просчитывать. Не семь, а семьдесят семь раз отмерять, перед тем, как отрезать.

До места лёжки, где остались мои вещи, я полз если не час, то очень долго, замирая от каждого шороха. И только ощутив себя в безопасности, лёг на взмокшую как после купанья

ния спину и прислонил к себе винтовку. Отдышался, снял защитные колпачки с оптики и, устроившись поудобнее, прицелился в зад «усатого фельдфебеля». Он снова что-то грыз.

– Пух, пух, – прошептал я, – твоя жизнь на пальце моей руки. Ты никто, и живёшь потому, что нужен мне.

Вроде полегчало, отомстил за переживания.

Следующим днём Савелий Силантьевич привёз в Хиславичи отчёт по заготовке сена. Сдал его в управу, и вместе с Ржецким направился в комендатуру. Формально он должен был подать рапорт о пленных красноармейцах, но как потом выяснилось, по документам они были отпущены на поруки родственникам. Знать об их судьбе в планах Долермана стояло где-то между: есть ли жизнь на Марсе и почему пингвины не летают. Второй причиной посещения комендатуры явилась пачка листовок пропагандистского характера, отобранная им у пацана из Мокрядино. Ржецкий переводил, а Савелий рассказывал подробности, как мальчишка сознался, что спёр бумажки у дома возле моста, где живут немцы, думая, что «усатый» прячет в поленнице деньги. Мол, сам просёк, как оккупант туда лазил, сразу после проезда грузовика по мосту. Разыскать пацана? Какие проблемы, Петька Иванов. На вид лет десять, со щербатым козырьком картуз на голове, штаны серые, пиджак перешитый, и примета у него особая – сидор за плечами. Такие вот дела, гражданин начальник.

Долерман всё подробно записал и, выпроводив посетителей, задумался.

Сообщить полученную информацию начальнику района он может и без проверки. Ситуация обязывала. Военнослужащий вермахта, хранящий агитацию большевиков – преступник. Такие сигналы на тормозах не спускают. Взяв в руку перевязанную бечёвочкой пачку серовато-фиолетовых листовок, комендант стал их рассматривать. Листы напоминали десятирублёвые банкноты русских. Такую бумажку несложно спутать с деньгами, да и для самокрутки, ставшей в последнее время популярной у солдат, в самый раз. Враг стал умнее. Что тут пишут?

«Пропуск. Действителен до конца войны для неограниченного числа... Желающих работать мы устраиваем по специальности. Не забудьте взять с собой шинели и котелки».

Так, а что это за цифры внизу, в правом углу? Серийный номер листовки? Они что, на каждую листовку присваивают номер? Невероятно. Версия мальчишки с украденными деньгами становилась правдоподобной. Пацан вряд ли когда-нибудь видел настоящие рейхсмарки, так что вполне мог подумать, что это немецкие купюры. Надо действовать, вот только найдут предателя благодаря Долерману, а крест с мечами достанется какому-нибудь проходимцу с волосатой рукой.

– Ганс! – позвал комендант секретаря. – Ржецкого ко мне, вместе со старостой Прилепово, срочно!

Через несколько минут Савелий Силантьевич писал под диктовку отчёт о проведённых им следственно-розыскных

мероприятиях. Всё согласно полученного два дня назад приказа от Долермана, который тоже был составлен. Ржецкий тут же перевёл писанину старосты на немецкий, и спустя час комендант был у начальника района, подавая отпечатанный на машинке первый экземпляр рапорта. Вспыхнувшая было на карьерном небосклоне звезда Долермана по всем законам должна была воссиять, но судьба-злодейка была явно не в настроении. Шванде прочёл бумагу, посмотрел местоположение упоминавшейся в документе деревне на карте, что-то прикинул в уме и хлопнул себя по ляжке. Коменданту, вызвавшемуся лично провести операцию по аресту неблагонадёжных, указали на своё место, объявив лишь благодарность. Долерман вышел из кабинета начальника ни с чем, поклявшись, что больше никогда не проявит служебного рвения. А вот его патрон стал действовать хитрее, да и фантазии у него было хоть отбавляй. Из доклада следовало, что пачка листовок появилась после прохождения по мосту грузовика, и не надо было напрягать мозги, чтобы понять взаимосвязь, но это всё лежало на поверхности. Шванде копал глубже: постовые лишь мелкие сошки, возможно знающие старшего агента, который листовки и передал. Тот наверняка тоже рядовой исполнитель, а вот лицо, стоящее за ним, уже птица, и скорее всего высокого полёта. Любой клубок можно размотать, потянув за ниточку. Главное ниточку найти, что он и сделал.

Выкурив сигарету, Шванде связался с шефом тайной полиции в Починках и предложил ему реальный шанс про-

двинуться по службе, не забыв про его скромную персону. Из перечисленных доводов выходило, что есть возможность накрыть резидентуру противника, окопавшуюся в вермахте. После его звонка, к пятнадцати часам караул у моста был сменён и препровождён тайной полевой полицией на гауптвахту в полном составе. Если кто-то думает, что немцы взятков не берут – спешу разочаровать. В пленнице обнаружили не только советские газеты, а у солдат при обыске рубли, причём у всех. Нашли и самогон, и колбасы, и золотые украшения. Это обстоятельство немного осложнило выяснение, кто из задержанных русский шпион? Но тут вступил принцип: не выплеснуть бы с водой ребёнка. В одночасье вермахт лишился целого отделения без единого выстрела. «Плотики» по реке больше не сплавлялись, Шванде приписал эту заслугу себе и снял посты наблюдения. Водный маршрут стал свободен, чем я и воспользовался через пару дней.

2. Привет из прошлого

На красноармейцев, привезённых из Шаталово, надежды не было никакой. Пианист, киномеханик, телефонист и семнадцатилетний водитель полуторки. Все бывшие вольнонаёмные служащие Дома Армии. Вместе работали до войны, прямо из военкомата вместе попали на передовую, в плену, понятное дело, так же оказались вчетвером. Савелий Силантьевич, когда увидел, как бойцы впрягаются в «эмку», поначалу даже прослезился. Вспомнил, как сам, в Гражданскую, когда осколками побило лошадей, пёр трёхдюймовку пять вёрст. Правда, тогдашние его товарищи были не чета этим. От Черепово до Тростянки оставалось ещё катить да катить, но беседа завязалась не скоро. Четверо красноармейцев несколько раз начинали её, и всякий раз она словно сама собой обрывалась. Судя по всему, Силантьевич не имел желания её поддерживать, потому что возникала она через силу, без душевного порыва и сводилась к еде. Протянув шагов триста, бывшие военнопленные выдохлись, машина встала как вкопанная, и сдвинуть с места почти восьмидесятипудовый агрегат не помог даже универсальный клич: «Эх, ухнем!» Пробитые передние покрышки, набитые тряпками, превратились в раздавленную жабу, с выпирающими по бокам шишками.

– Эй, шофёр, – крикнул раздражённый такой неэффек-

тивностью, севшему на дорогу красноармейцу Савелий, – может, ты её раскочегарить попробуешь? Ведь в нутрях не посмотрел даже, шельмец.

– Что там смотреть, Савелий Силантьевич? Бензина всё равно нема, аккумулятор немцы сняли, а кривого стартера тут нет. Ща отдохнём трохи и потянем. Поесть бы...

– Пока до Тростянки не дотянете, жрать не дам. А вздуваете сачкануть, так быстро назад отправлю. Знаете сколько желающих на ваше место? То-то.

– Упырь, – сквозь зубы сказал пианист и стал подниматься с земли.

«А я последнее время не обижаюсь на упыря, – подумал Савелий, услышав "лестный" о себе отзыв, – иначе нельзя: здесь слабину дашь; там, на авось понадеешься – вот и дошёл германец до Днепра». Тем не менее за четверть версты до хутора у Тростянки Силантьевич пристроился позади «эмки» и помог закатить машину на горку, прямо под стену сарая. Здесь бойцам да упасть, но строгий окрик погнал их к речке. На берегу одноимённой с деревней речушки стояла баня. Чёрная как уголь, с мхом на крыше, и уже больше похожая на землянку, так как треть её сидела глубоко в грунте. Даже старожилы тех мест не помнили, когда она появилась. Топилась баня по-чёрному, с дымом в парилку. Здесь и лён просушить можно было, да и окорок закоптить. Именно в таких банях избавлялись от любых паразитов, и когда старик Афанасий, хозяин хутора, указал пальцем на корыто, лежавшее

у входа, красноармейцы его не поняли.

– Гимнастёрки кидайте, солдатики. Завшивели, смотрю, но ничё, вам они боле не нужны. На доски лягайте смело, осиновые они. Шайки и бадейки в предбаннике. Куды в портах? Дурень! В баню идёшь. Ну, Савелий Силантьевич, где ты таких отыскал? Городские, шоль? Ща я вам.

– Не солдаты они вовсе, не горячись дед, – заступился за ребят Савелий. – Вот ты солдатом был. Всю Японскую прошёл. Я так да сяк. А эти, Красной Армии бойцы, трёхлинейку только вчера увидели. Выйдут с пара, поспрашивай, как их германец в плен взял. Винтовку без обоймы зарядить не умеют. Срам, да и только.

Из бани донёсся звук падающей шайки, грохот поскользнувшегося (со скрипом босой ноги по мокрой доске) тела, и вопль пианиста:

– Зажгите свет!

Афанасий с Савелием присели на завалинку, подложив под одно место дубовые веники. Сентябрь коварен, на сырой земельке особо не насидишься. Минут пять помолчали. Насладившись красотами природы, Силантьевич, как младший по возрасту, всё ждал, когда заговорит дед. Тот держал паузу и, поняв, что предел уважения к годам тоже имеет границы, поинтересовался, как поживает Серафима, его младшая дочка. С началом оккупации Савелий Силантьевич категорически запретил женщинам деревни покидать Прилепово, во избежание неприятностей. Особенно это касалось моло-

дых. Для Серафимы, хоть и было до родительского дома рукой подать (её отец Афанасий отселился в двадцатых годах, когда в соседней Белоруссии началась так называемая «Прищеповщина», иными словами хуторизация, затронувшая и часть Смоленской области), нарушить слово мужа сродни, как в церкви не перекреститься. Вот и беспокоился Афанасий.

– На печи бока отлёживает. Уж не знаю, как её оттуда согнать? Вожжами, али чем посерьёзнее? Устала, говорит.

– Вот оторва, – усмехнулся дед, – вся в мамку. Тут и оглобля не поможет. Керосин-то у тебя есть? Симка керосину боится, аж жуть. Был тут у нас фельдшер один, вети... вете... не вспомню никак. Его с конезавода в Мачулах ещё при Александре Александровиче за пьянство попёрли. Так он все болячки керосином лечил. Симка как занает о чём либо, так я грозился к фельдшеру свести. Все недуги как рукой снимало.

– Керосина жалко. Я в Барсуках за бидон (подразумевается ёмкость на пять литров) возок торфа беру.

– Дров что ли мало? – удивился Афанасий.

– Так надо. Керосина в деревнях почти не осталось. Тот, кто хитрее был, запасы успел сделать. Только много ли их?

– А у тебя, знать, этого керосина хоть залейся? Или ты, зятёк, из этих, из хитрых?

– Эти, хитрые, сейчас на людском горе наживаться будут. Нельзя этого допустить. Под Барсуками торфа завались, а

хлеба с гулькин нос. Два пацана за день возок нарежут, да за две недели высушат, а керосин на муку сменяют, и целая семья зиму переживёт.

Разговор про керосин прервали перекурком. Дед поинтересовался, как долго у него простоит машина, есть ли какие новости с войны, и удалось ли получить весточку от внука, бороздящего воды Чёрного моря. Савелий в ответ вытянул из внутреннего кармана пиджака портсигар, что-то подкрутил и раскрыл его, показывая фотокарточку бравого молодца в водолазном костюме.

– Ванька мой, в водолазном техникуме. Пишет, что в Балаклаве служит. Прислал с Николаевичем письмо и две карточки. Эту ты себе оставь, а мне той, что у Серафимы, хватает.

Афанасий взгляделся в карточку, поднеся её к самому носу, потом перевернул и на обратной стороне прочёл по слогам короткое пожелание с датой: «Дорогим родным! Привет из Севастополя. 06.09.1941».

– Это что ж получается, почта работает? – с сомнением спросил Афанасий. – Ты это, отпиши внуку: мол, дед с бабкой за него рады, переживают, как служба идёт, здоров ли? Погодь, – взволнованно, – не это пиши. Напиши, чтоб жив остался. Единственный он внук у меня.

– Написать не трудно, как отправить?

– Но Ванька как-то отправил.

– То специальная почта. Я так понимаю, аэропланом её к

нам доставляют. Мне вот по ней газеты прислали, боевой киноборник – цельных четыре бобины. Только у нас как всегда, плёнка с фильмой есть, а через что его смотреть – нету.

– Высоко ты поднялся, Савелий Силантьевич. Аэропланом фильму для тебя возят. Смотри, как бы падать больно не пришлось. Комиссарам, когда надо, пухом выстелют, а как не нужен им станешь, – соломы пожалеют. Ты же не из них.

– Да плевать. Я не за пух, могу и на земле. Потому что мне, а не Натану-иуде поверили. Он же сука, за неделю, как немцы пришли, драпанул! Участковый за час до германца к нему прискакал, с секретным письмом, до последнего момента поверить не мог. Да что там говорить, если он печатную машинку райкомовскую продал. Я ж знаю, что этот жид делать тут должен был. Ошиблась советская власть, но вовремя исправила. Теперь я тут!

Четвёрку красноармейцев после бани накормили и переодели в деревенскую одежду. Афанасий отвёл их на сеновал, настрого приказав, не гадить где попало и в случае чего: немцы придут али ещё кто – не прятаться, а появиться по первому его зову. Как только бойцы улеглись, Савелий подпёр дверь сеновала палкой и вышел к левому краю изгороди, обращённой в сторону леса. Здесь он поправил немного покосившийся штакетник и стал ждать. Из-за деревьев мигнул фонарь. Залаял дворовый пёс, тут же успокоенный хозяином, пару раз промычала корова, зовущая на вечернюю дойку, и наступила тишина.

Пройдя скорым шагом открытое пространство по стеге, между лесом и хутором, я оказался у изгороди, где поздоровался с Савелием Силантьевичем. Без лишних слов мы подошли к оставленной машине, я осмотрел её, заглянул с боков под капот, подсветил фонариком и с облегчением вздохнул. Кроме замены вентилятора и пайки радиатора, визуаль-но больше ничего не придётся делать. Двигатель был цел, без подтёков масла. Патрубки и резинки практически новые, стартер на месте. Заслонки у карбюратора двигаются легко. Аккумулятор отсутствовал, так я это и так знал. Немцы первым делом их снимали. А вот почему колёса не поворачивались, я так и не понял. Если беда с валом рулевой колонки, то это не проблема – заменим. Вот если что-нибудь другое, тогда потребуется квалифицированный механик, которого отыскать в оккупированной области практически невозможно. Решив, что утро вечера мудренее, я согласился с предложением Савелия Силантьевича оставить всё, как есть, и уже в Прилепово подойти к осмотру со всей строгостью. К тому же Афанасий настойчиво приглашал повечерять.

В избе мерно постукивали настенные часы, и было слышно, как тихо сползает цепочка с гирькой, в виде еловой шишки. Свет керосинки отражался от покрытых лаком дверец домика кукушки, но птичка высовываться не хотела. Жена Афанасия, Евдокия выставила на стол чугунок с картошкой, миску с солёными огурцами и половину каравая хлеба, отрицательно качнув головой, как мне показалось в сторону

иконы с горящей лампадкой, когда хозяин стола попытался намекнуть на что-либо покрепче. Я постов не соблюдаю, поэтому под одобрительный вздох мужчин за столом вытащил из вещевого мешка бутылку водки, пару банок тушёнки и фляжку с растительным маслом. Евдокия радости не разделила, но быстро сообразила три гранёных стакана, а потом, немного погодя выудила ещё один, крохотный, для себя. Едва Афанасий разлил по стаканам водку, как во дворе раздался собачий лай, чередующийся с озлобленным рычанием. Хозяева замерли.

– Кого это нелёгкая принесла? – пробормотала Евдокия.

– Может, ребятушки выбратся решили? – предположил Афанасий, вставая из-за стола, прильнув к окошку. – Тише, – и чуть погодя добавил: – То чужак!

В момент все насторожились и невольно вздрогнули, когда в крайнее окошко постучали веткой.

– Хозяева, пустите путника переночевать. Христом богом прошу.

Афанасий присел, пошарил рукой под лавкой у стены и вытащил какой-то свёрток. Бросив мгновенный взгляд в оконце, прищурил правый глаз, которым видел хуже, и, приложившись лицом к стеклу, заметил, что кто-то шевельнулся у плетня, выдавая хозяину своё присутствие.

– Откель будешь, путник? – разматывая дерюгу, жалобно спросил дед.

– Оттуда, откуда и ваши постояльцы, – раздалось в ответ.

– Дуня, дура ты старая, ты куды гимнастёрки повывесила? – прошипел Афанасий, заметив какие-то тряпки на изгороди. – Я ж сказал закопать!

– Сам ты дурак старый! – обиженно заявила женщина. – Ты сказал заховать. Вот я и постирала их, да на плетень сушиться.

Дед на секунду задумался.

«Может, и вправду, по привычке бережного отношения к вещам сказал заховать? Добро вроде, хоть и за так досталось, однако жалко. Не, не мог я такой ляпсус допустить, чай, стреляный воробей. Дунька всё напутала», – промелькнула у него мысль и, прищурившись, громко крикнул:

– Ты к калитке подойди, мил человек, – в руках Афанасия оказался обрез винтовки, – а то мне тебя не разглядеть.

Евдокия притушила у керосинки свет, Савелий взвёл курки дробовика, дед неслышно передёрнул затвор, а я вынул пистолет. Незнакомец подошёл к калитке, стараясь, чтобы луна осветила его как можно лучше. Худющий, в разорванной на груди без рукавов гимнастёрке. Вместо обуви на ногах тряпки. При лунном свете он напоминал мертвеца, составшего из могилы, а колыхающий тряпье ветерок только придавал мрачности. Из-за приоткрытой двери с дробовиком наперевес высунулся Савелий, дед за ним, зыряка по сторонам, нет ли ещё гостей.

– Один? – спросил Савелий. – Руки не прячь!

– Да один я, один. А это палка. По дороге подобрал. Со-

бака у вас больно грозная.

Жердь была выдернута из изгороди. Дед это сразу определил, но виду не подал. Полкан, хоть и десяток уже разменял, только на вид старый, деревенские кобели обходят хутор стороной, поджав хвост. Жердина незнакомца не уберегла бы, а услышать лесть о домашней животине всегда приятно.

– Товарищ командир! Мы тут, на сеновале заперты! – раздался вдруг голос телефониста.

Незнакомец повернул голову на звук и хотел было бежать, но тут цыкнул дед, демонстрируя обрез.

– Не дёргайся! – предупредил Савелий. – В правом жакан, а в левом дробь. С пяти шагов и слепой не промажет, а я уж тем более. Веточку на место поставь, вот так, и к овину топай. А мы сейчас посмотрим, какой ты командир.

Савелий Силантьевич не шутил. В конце августа в Прилепово забрёл мужичок. Постучался в крайнюю хату, где жила мать семерых детей, представился капитаном Красной Армии, наплёл ей кучу сказок, что чуть ли не отстал от поезда, даже документами перед носом крутил, а на утро исчез. Но не просто так, а украв золотое кольцо мужа и деньги, что были сложены под иконой. Подонку фотокарточку на стене увидел, ткнул в неё пальцем да брякнул имя наугад, и угадал. Женщина в слёзы, стала просить рассказать о муже, на фронт ушедшем. Знает ли что? Тот, понятное дело, наплёл. Хорошо, что сердобольная баба сообразила Савелию всё рассказать, как пропажу обнаружила. Силантьевич при-

меты мерзавца выяснил, да заставил потерпевшую заявление подписать, о том, что на постой большевик напросился, а с ним в комендатуру. Каково ж было его удивление, когда мнимый капитан курил перед управой, а Майс стоял навытяжку, отчитываясь перед каким-то важным военным. Савелий бочком к дежурному да листик на стол. Капитана Красной Армии в деревне держим, вооружён собака, пулемёт с ним, не меньше. Дайте подмогу. Никто в Прилепово с силовой поддержкой, конечно, не поехал. После этого случая стало известно, что «капитан» посетил не одну деревню. Каждый его успешный заход заканчивался виселицей. Так что держал Савелий палец на курке и случись что не так, нажал бы и не усомнился в своей правоте.

Зашедшего на огонёк путника, раздетого до кальсон и со связанными руками посадили у печки, подстелив под ним газету, на которую периодически падали вши после специального педикулицидного спрея (пришлось пожертвовать). Евдокия глянула на это дело и пошла успокаивать корову, которая стала мычать ни с того ни с сего. Дед уселся во главе стола, положил рядом с собой обрез, махнул стопку водки, взял из чугунка картофелину, макнул ее в подсолнечное масло и, чуточку посолив, откусил половинку. Савелий делал с едой то же самое, только с секундным запозданием, после чего повёл допрос.

– Ну, рассказывай, мил человек, кто ты, зачем послали, кому что передать должен? Правду расскажешь – жить оста-

нешься. А соврѣшь, так о тебе никто и вспоминать не будет. Я тебя за банькой хлоп! И в речку. Может, всплывѣшь где-нибудь у Красного Бора, а может, раки тебя и так сожрут.

Допрашиваемый жадным взглядом пробежался по столу, двинул кадыком и отвѣл глаза в сторону окошка, не в силах совладать с урчащим желудком. Помолчав немного, словно собиравшись с последними силами, он в сердцах выпалил:

– Ничего я тебе не скажу. Попугать меня решил? Так я пуганый. Когда гимнастѣрку резали, на спину посмотрели? А ты раки, хлоп. Да я уже давно с жизнью попрощался.

Вообще-то, у меня поначалу сложилось впечатление, что человеку поставили медицинские банки, причѣм неудачно. А объяснение происхождения бордово-фиолетовых синяков повергло в шок. Со слов «гостя», его привязали к борту грузовика за руки, а рыжий немец расстреливал из самодельной рогатки то ли шрапнелью, то ли шариками от разбитых подшипников.

– Вам знаком Владимир Августович Бишлер? – спросил я, следя за реакцией.

– А ты кто такой? Интересуешься всем: как командира роты звали, кто комиссар, были ли у ротного старшины усы, вопросы с подковыркой. Да пошѣл ты... – незнакомец, который так и не представился, сказал последние слова и уснул. Просто вырубился.

– Дел-л-аа, – протянул дед, – это ж как намаяться надо, что б вот так, раз и уснуть? Я вам, ребятушки, вот что скажу

– оставьте служивого в покое. У него жизнь теплится, пока он мстить будет. Видал я уже таких, ещё в Японскую. На Путиловской сопке дело было. Тогда восемнадцать душ солдатик в рукопашной положил. Брата у него косоглазые убили. Мы уж думали, помер вместе с задушенным им япошкой, а он спал.

Афанасий мог часами рассказывать, когда стол не пустой, да слушатели, раскрыв рот, сидят. Любят старики поговорить. Пусть они повторяются, не беда, запомнится лучше. Просто с возрастом сокращается круг общения, и если выпала кому возможность услышать слова: Помню, в годы моей молодости, лет так «цать» назад, – дослушайте рассказ до конца. По крайней мере, будет, что поведать внукам. Дабы те не искали «правду», сомнительную и перевёрнутую в угоду духа времени.

Беглого командира мы перенесли на сеновал, под при-
смотр бойцов. Телефонист Гена дал рекомендацию:

– Василий Егорович хороший, добрый, очень отзывчивый. Только в лагере у него что-то с головой стало. Мы за младшим лейтенантом присмотрим.

На рассвете, перед самым уходом, я ещё раз обследовал машину, сверяясь по книжке, и выявил причину заклиненных передних колёс. К аккумулятору с радиатором и крышкой добавилось соединение рычага. Сам же он вывернулся неестественным образом, упёршись в рессору. Все-го-то надо было с самого начала хотя бы на гвоздь закрепить,

а так машинка хоть куда. Рулевые тяги ещё посмотреть, болты подкрутить, ведь шатается всё, но как говорится, поспешай не торопясь. Савелий и так знал, что нужно делать с «эмкой», посему мы попрощались до послезавтра. С хутора мой путь шёл домой. За день Силантьевич разузнает, каким путём добирался младший лейтенант, и если побег был совершён из лагеря Шаталово, то стоит сделать по маршруту закладки с продуктами. Так как лагерь этот простоит долго, и бежать будут из него часто, то пусть у ребят будет как можно больше шансов. Второй задачей стояло посетить деревни Шимоновку и Митюли, старосты которых, подобно Савелию Силантьевичу, были мне знакомы, хотя и не так хорошо. До середины октября немцы отпускали военнопленных красноармейцев, состоящих в родстве с местными жителями. Стоило лишь предъявить одному из заместителей начальника лагеря справку от старосты селения, на предмет поиска родных, да небольшой подарок сделать. За одного гуся или золотую серёжку отпускали и без бумажки. Достаточно было ткнуть пальцем на военнопленного. Оставалась ещё одна лазейка, по которой можно было не собирать бумаги – фиктивный брак. Идти в «зятя» для мужчин стало ещё одним шансом покинуть зону с колючей проволокой. А что было делать? Русские бабоньки готовы были и не на такое, только б из лап смерти мужика выдернуть, а там, как Бог рассудит: есть совесть – вилы в руки и немцу в живот; а коли, нет за душой ничего – то живи, как знаешь. Шли оккупанты

навстречу сельчанам не из сострадания, а из прагматического расчета. В теории игр это называется «игра с ненулевой суммой». Иными словами, немцы немного уступали вначале, но много выигрывали потом. Освобождённые русские, в их понятии, неспособные пережить надвигающиеся холода в лагере, за счёт местных жителей сохранили бы жизнь, а потом, сытые, здоровые и морально неспособные к сопротивлению становились рабами Рейха. Для пленных это был выход, но уж больно неравномерной была пропорция для местного населения. В среднем крестьянская семья, сверх себя, могла с трудом прокормить ещё трёх мужчин. Это был предел, в условиях, когда немцы практически начисто вырезали весь скот и домашнюю птицу, оставив небольшие запасы хлеба и картофеля. Помочь деревенским можно было лишь, спросив у них самих, что им надо? Эту работу Силантьевич обещал выполнить самостоятельно, переговорив со знакомыми старостами, прося их настраивать местных жителей забирать всеми возможными способами военнопленных из лагерей. Пока что каждой семье, приютивший хоть одного человека, было решено давать по мешку муки, пуд соли и двести рублей на всякие нужды. По моим подсчётам, Шимонька и Митюли могли приютить по сто человек каждая, и столько же забрать из лагеря, впоследствии отпустив людей на вольные хлеба. Именно из этих, не обеспеченных кровом красноармейцев, я планировал создать партизанский отряд, о котором уже можно было сообщить подполью. Понятно,

что будет отсев, да и согласятся немногие (ломались в плену люди), но с полсотни человек как пить дать наберётся. А это была уже весомая гарантия для Савелия Силантьевича, по приходу Красной Армии, что не просто так он с немцами сотрудничал.

Часы показывали девять утра, когда я подошёл к дому. Увидев, что ворота закрыты, я обошёл по опушке забор и, воспользовавшись подземным ходом, оказался в подвале. В комнатах никого не было, только в кабинете, на столе лежал листок с коротким посланием.

«Уехал в посёлок, буду вечером. Дистергефт».

Высунувшись из окна, я заметил Дайву. Она сидела у двери летней кухни на раскладном стульчике, чистя картошку и напевая песенку: «И солнце нам светит, и птица поёт, и дружеский ветер прохладу даёт». Закончив с последней картофелиной, девочка сполоснула нож, собрала в ведро очистки и, подняв голову, спокойным голосом произнесла:

– Доброе утро. Петер Клаусович пропал. Вчера уехал на велосипеде в Хиславичи, и до сих пор его нет.

– А к кому поехал?

– Сказал, что к Ржецкому, за учебниками. Он записку для вас оставил. Товарищ профессор очень ругался. А я не виновата, – голос стал срываться, – я все слова, которые он написал – выучила, только Петер Клаусович не по порядку спрашивает. – Дайва заплакала, – не оставляйте меня больше одну.

Пришлось успокаивать, обещать, и выслушать тридцать слов по-немецки, которые девочка действительно выучила, отметив её прилежание. Попутно я лихорадочно соображал, где искать Дистергефта? Поехать он мог по двум дорогам. Через Коханово, либо перебравшись по мостику через Тереховку. Вторая дорога ему была более знакома, значит, выбираем её. Теперь стоит подумать, каким образом организовать поиск. Пройтись вдоль маршрута от Тереховки до Ивановки можно, а вот в Черепово заходить уже нельзя и обойти не получится, река. Но сначала надо воспользоваться экстренным каналом связи с Хиславичами. Авдотья Никитична, может, и не знает, где Дистергефт, но до Ржецкого ей три минуты дойти. Так что, отослав Дайву варить картофель, я вновь спустился в полуподвал и, сняв телефонную трубку, нажал кнопку вызова.

– Почтовое отделение Хиславичей, хельферин (помощница) Граббе, – ответили по-немецки.

– Внимание! Зелёный код! – произнёс я.

Это был заранее предусмотренный нами пароль, который означал обмен информацией. Прозвучали бы слова: «Красный код», Авдотья бросила бы всё и попыталась выбраться из посёлка в заранее условленное место.

– Зелёный код принят.

Что ж, значит, можно говорить, не опасаясь посторонних ушей, перейдя на русский.

– Петер Клаусович отправился к Ржецкому и не вернулся

к назначенному времени. Есть ли информация?

– Дистергефт задержан Долерманом. Из Смоленска пришёл приказ.

– Подробности известны?

– Петер ночевал в комнате отдыха, в комендатуре. Больше ничего не известно.

– Спасибо, до связи.

«Вот вам, бабушка, и Юрьев день! Как не вовремя! А разве бывает всё время в десятку? Даже в кино наступают моменты, когда всё висит на волоске. И какого лешего Клаусович за учебниками покатыл? Бляха-муха, спросил бы у меня. Что, я б ему учебника не дал? Вообще-то не дал бы, но что-то близкое к нему, без разных названий и всяких там, не соответствующих этому времени текстов – пожалуйста, не обеднел бы. Так нет, «профессор» сутки обождать не мог». – Разговаривал сам с собой, пока поднимался из полуподвала во двор.

– Дайва! Девонька, выходи. Картошка не пригорит.

– Сейчас, только досолою, – раздалось из летней кухни.

Пришлось взять Дайву за руку и показать у стены лаз, прорытый бог знает когда, переделанный в схрон. Там можно было спрятаться и отсидеться с неделю.

– Я не знаю, о чём вы договаривались с Петером Клаусовичем, но сейчас возникла ситуация, когда тебе может угрожать опасность. Немцы задержали Дистергефта в посёлке. Возможно, времени у нас уже нет, так что постарайся запом-

нить. Хотя карту ты читать и не научилась, но если отсюда идти вдоль реки на север, то через несколько километров выйдешь к деревне Прилепово. Там отыщешь старосту Савелия Силантьевича и скажешь ему так: Савелий Силантьевич, корову в деревне продают? Он ответит – нет, только козу. Только после того, когда услышишь от него такой ответ, попросишь, чтобы он тебя спрятал. Сейчас я соберу для тебя рюкзак. В турпоходы ходила?

– Нет. Когда в прошлом году класс ходил, я болела, – с грустью в голосе ответила Дайва.

– Ничего, никогда не поздно вкусить прелести романтики, запах леса, дым костра и жужжание комаров. В рюкзаке есть полный набор для самого неопытного туриста, а в блокноте инструкция, как и чем пользоваться.

– Может, обойдётся? Петер Клаусович очень умный. Он обязательно найдёт выход из любого трудного положения.

– Будем надеяться. А пока прямо сейчас ты идёшь к себе в комнату и переодеваешься по-походному. Картошку я сам доварю.

Дайва исчезла за дверью.

«Наверно, – подумал я, – девочка права, может и обойтись. Если приказ пришёл из Смоленска, то «профессора» всё равно бы повязали. А так своей поездкой он невольно отвёл удар от усадьбы. Но если им заинтересуются всерьёз, то здесь будет обыск, со всеми вытекающими последствиями. Проход к двери немцы вряд ли обнаружат, а вот когда

наткнутся на камеры наблюдения, придётся взрывать. Жалко дом, сколько труда вбухано».

Вскоре наступил полдень, а за ним солнце стало клониться к закату. За это время я пару раз выходил по тропинке, устраивая засаду. Никто не появлялся. Успел подготовить инструмент и детали для «эмки», заполнив ими багажник самодельной трёхколёсной велорикши. Поместилось всё, даже покрышки. И когда я увидел, как сидящая на лавочке у крыльца Дайва, прислонив голову к рюкзаку – уснула, со стороны моста раздался еле улавливаемый треск мотоциклетных моторов. Техника переправлялась через речку, поэтому и слышно. Спустя минуту рокот пропал.

«Могут добраться ещё засветло, – подумал я, – минут двадцать, и они будут здесь. Судя по звуку, их два. Если с колясками, то шесть человек максимум, но вот вопрос: откуда в Хиславичах мотоциклы? У комендантского взвода четверо кавалеристов и один грузовик, который, по рассказам, постоянно в разъездах. Подкрепление прислали? Это в посёлок, где райкомовцев сдали в первый же день оккупации, а о партизанах даже не слышали – нет, это не «местные» немцы. Знать бы по чьей инициативе они тут, тогда и действовать можно по обстановке. А пока ждём».

– Дайва, уже проснулась? Вот умничка. Помнишь, о чём мы говорили?

Девочка кивнула.

– Прячься в схрон и сиди там как мышь. Будет пахнуть

нафталином, но ты уж потерпи.

Как только замаскированная крышка люка закрылась, я побежал в полуподвал, откуда можно было наблюдать через видеокамеры за поляной перед воротами. Вскоре появились немцы. Один мотоцикл с коляской, в которой сидел Дистергефт. Петер Клаусович выбрался из люльки, что-то сказал солдату, пересаживающемуся на его место и, держа в руках портфель, направился к воротам. Задерживаться в лесу в планы мотоциклистов не входило, поэтому, лихо развернувшись, немцы потарахтели обратно. Мне захотелось придушить «профессора». Выскочив во двор, я накинулся на Дистергефта.

– Как это понимать, Петер Клаусович? Вас в детстве по голове не били? Зачем вы сюда фашистов привозили?

– Алексей Николаевич, дорогой, – «профессор» выставил ладони перед собой, держа портфель под мышкой, – я всё объясню. У меня не было другого выхода. Поверьте, опасности больше нет. – И тихо добавил: – Дайте только до уборной сбежать, не вмоготу более терпеть.

«Ну что ты с ним сделаешь? Пусть бежит, – подумал я и махнул Клаусовичу рукой, мол, давай, по-быстрому. – Пойду пока Дайву вынимать из схрона, чего ей в подземелье сидеть, раз всё обошлось».

Минут через сорок после этих событий Петер Клаусович жадно, одна за другой, курил сигареты, рассказывая о своих приключениях. Здесь была: завязка, кульминация, развязка

и, конечно, эпилог, участником которого уже стал я.

– Не понравился я коменданту, – жаловался Петер, – Долерман послал по инстанции запрос, на предмет моего участия в работе айнзац-штаба Альфреда Розенберга. Помните, когда я заявился к нему и договорился о покупке машины? Так вот, звонить в Берлин он не стал, а написал рапорт. И тут, представляете, какая удача, в Смоленск как раз прибыл профессор Энгель, а с ним Баадер. Это те самые, которые долгое время снабжали меня материалами по Дерпту. По существу рапорта обратились к ним, как представителям Розенберга, и Баадер выставил Долермана дураком.

– Каким образом?

– Комендант приказал задержать меня, когда я был в управе у Ржецкого. Естественно, он доложил о своих действиях и утром при мне «получил по шапке», когда разговаривал по телефону со Смоленском. Я в это время находился в его кабинете. Бедняга три раза утирался платком. Баадер подтвердил знакомство и даже упомянул об особом задании. После чего у нас с ним состоялся телефонный разговор.

– Хорошо, а мотоциклистов кто вам дал?

– Вот тут и начинается самое интересное. Около десяти утра Долерману позвонили из штандарткомендатуры Смоленска, с приказом доставить меня в Шаталово, на аэродром. Баадер что-то ценное увозил из города, причём с такой срочностью, что готов был проехать пятьдесят пять километров по колдобинам, так как в Смоленске нелётная погода. К обе-

ду он появился. Пока в транспортный самолёт грузили ящики, он расспрашивал о моих исследованиях.

– Надеюсь, вы не сболтнули лишнего?

– Я рассказал ему о мече. Сказал, что ищу след Штауфена здесь и кое-что отыскал.

– А он что?

– Просил два раза в месяц отсылать отчёты о раскопках, да ещё от руки нарисовал вот это, – Дистергефт передал мне листок, на котором коряво был нарисован овал, со свастикой в виде множества кружочков.

– Алтарь Святовита? – удивлённо произнёс я, сразу же опознав его по рисунку. – Сколько лет прошло, а он до сих пор не даёт покоя мистификаторам. Есть поверье, что там, где он стоит, земли всегда будут принадлежать славянам, ибо не будут знать поражения. Неужели они всерьёз думают овладеть им?

– Вы и это знаете? Хотя чему я удивляюсь. Баадер сказал мне, что военные действия под Киевом вскоре закончатся. Именно там, по некоторым сведениям, и спрятан алтарь. Но в это он не верит, и в Берлине с нетерпением ждут от меня результатов, так как поисками алтаря занимаются ещё несколько «учёных», но у них нетрадиционные методы. Последнее слово он произнёс с каким-то пренебрежением, я думаю, это конкурирующая организация. После этого он улетел, а меня посадили на мотоцикл и привезли сюда.

– Вот так взяли и просто привезли?

– Нет, офицер на аэродроме спросил, куда меня доставить, я и сказал, куда отвезти. Чуть не забыл, мне выписали новый документ. Теперь я свободно могу передвигаться по области, только отметку в комендатуре ещё поставить надо.

Что ж, теперь Петер Клаусович может до прихода Красной Армии слать отчёты и раскапывать городища. Надо бы ему ещё через месяц жалобу накатать да денег попросить. Дадут ли? Неужели он не понимает, что интересен немцам, как тот мавр: сделал дело – проваливай. А этот ребячий восторг, чему радоваться? Повезло, да только вот везенье какое-то призрачное, неестественное. Словно кость подсунули, а мы рады стараться, клаци зубами, не замечая, что сеть над головой падает. Отметки в комендатуре, да по этим записям даже выпускник церковно-приходской школы в пять секунд сумеет проследить весь маршрут перемещений, а если места на карту нанести, да линеечкой с карандашиком поработать. Да уж, выпадает «профессор» из обоймы. Найдутся умные головы, будут отслеживать его раскопки да сопоставят появления печатной агитации с местами появления Клаусовича. Жаль, были у меня надежды, но нет худа без добра. Как бы там ни было, легальное перемещение по области есть, а раскопки предметами старины я уж обеспечу. Ну а если рядом с археологическими исследованиями курганов вдруг появятся небольшие землянки, то ничего удивительного. Землекопам жить-то где-то надо, а вот, что с домиками станет после отбытия археологов, то уже заботы совершенно других людей.

С рассветом, накинув дождевик, покручивая педали, я отправился в Прилепово, везя запчасти для «эмки». Не доезжая метров двести до верстового столба, я свернул на обочину и закатил велорикшу в кустарник. Отсюда, по краю леса, можно было незаметно добраться до трёх берёз. Воткнув палку, я стал осматриваться. Машину так и не сумели дотащить до дома старосты, застряли на въезде в деревню, а виной тому – ливень. Мою усадьбу он прошёл стороной, так, краешком задело, зато севернее тучи отметилась со всей суровостью. Савелий Силантьевич курил, стоя под обновлённым навесом колхозного коровника вместе с киномехаником и пианистом, пока телефонист с водителем копали канаву, пытаясь сообразить сток для воды. Работали бы вчетвером, да лопат было всего две. Младшего лейтенанта видно не было, однако стёкла в машине аж матовые стали, словно кто-то внутри надышал. Силантьевич отдал бойцам недокуренную папиросу, накинуд на голову капюшон своего выгоревшего до песочного цвета плаща, посмотрел на часы и направился в мою сторону. Пароль-отзыв, всё как обычно, только болтать под дождём не тянет, да и виделись совсем недавно. Новостей особо не прибавилось, лейтенант-беглец заболел, и закутанный в тулуп лежит на заднем сиденье в машине. Четверо бывших пленных почему-то решили, что война для них окончена, и вчера вечером интересовались, как, имея такие неподходящие специальности, приспособиться в деревне. Ответа на этот вопрос у Савелия не было, так как в его

понимании пианист был сродни трудно произносимому слову, боялся любого инструмента и вообще, не приспособлен к жизни. То же можно было сказать и о других, даже о водителе полуторки, который, как выяснилось, проработал без году неделя. Посему Силантьевич в первую очередь поинтересовался у меня, для каких целей ему досталась такая обуза.

– Создадим агитбригаду, – ответил я, – пианист наверняка освоит аккордеон, киномеханик будет показывать кинофильмы, телефонисту придётся научиться обращаться с рацией, а шофёр, как починят «эмку», будет работать на ней. Но это всё в ближайшем будущем, а пока я бы хотел предложить тебе немного прогуляться, к Акулинкам.

– Дождичек не скоро кончится, – нехотя ответил Савелий.

– Так не сейчас, как смеркаться станет, тогда и пойдём. Непогода нам только в руку. Промеж Осташково с Акулинками лесок хороший есть, дорога как раз по нему идёт. Осмотреться там надобно, места отдыха проведать, занести кое-что да промерять кое-где.

– Раз надо, то чего б не сходить. Места я те хорошо знаю, только вот, как ты, Николаевич, по мосту мокрядинскому пройдёшь? Немцы ночью сразу стрелять начнут, комендантский час.

– Зачем нам мост, мы на лодочке Сож перемахнём. Так что, к девятнадцати часам жду я тебя здесь, на этом месте. С собой кроме «нагана» ничего не бери, всё уже собрано.

Савелий Силантьевич проводил меня до велорикши, где я

расстался с трёхколёсным «чудом», отдав его в пользование прилепчанам. Штука удобная, два бидона с молоком легко помещаются в багажнике, и если не брать во внимание единственный её недостаток, как то: задние колёса при нагрузке увязают в раскисшем грунте, то для села это явное подспорье. А когда на всю деревню осталась одна охромевшая кобылица с жеребёнком, то, по-моему, Силантьевич только прирастёт авторитетом заботливого руководителя, что очень важно в условиях его статуса. Ведь многие председатели колхозов с началом оккупации перешли на службу к немцам, став старостами. И многие из них поплатились своей шкурой, так как были и оставались никчёмными чиновниками (рвань, пьянь и дрянь по жизни), привыкшие прикрывать свой зад должностями, а иногда и партийным билетом, выдавать все соки из сельчан и слать победоносные отчёты. На таких оборотней, среди крестьян, и донос написать грехом не считалось. Учитывая это, был я уверен, что ножа в спину от своих Савелий не дожждётся.

Вечером, в месте, где Хмара впадает в Сож, мы переправились на надувной лодке на левый берег. Припрятав в прибрежном кустарнике плавсредство, оставляя Казаринку по правую руку, через несколько километров пути мы вышли к границе Клинского леса. Двигаться дальше стало невозможно, тучи закрыли всё небо, и, углубившись в чащу, с трудом отыскав небольшую, три на четыре метра поляну с замаскированным под поваленными деревьями шалашом остано-

лись. Наломали лапника, обновив лёжку, и принялись обу-
страиваться. Дождь хоть и стих, но продолжал периодически
накрапывать, так что, покурив напоследок, мы оказались под
крышей. Часы показывали начало десятого, то есть в пути
три часа, и судя по карте с компасом, до дороги не более по-
лутора километров. Огня разводить не стали, попили горя-
чего чая из термоса да съели по бутерброду при свете фона-
рика. Так и уснули.

Дорога проходила по лесу всего метров шестьсот, практи-
чески не петляя, и была отмечена обновлёнными телеграф-
ными столбами с двумя проводами. Немцы успели протя-
нуть связь, но не озаботились вырубкой кустарника по обо-
чинам. Пока я присмотрел место для засады и вернулся мет-
ров на двести назад, изучая маршрут отхода, Савелий Си-
лантаевич расчистил сектор обстрела, прилёг и поводил ду-
лом револьвера, выцеливая предполагаемого врага. За этим
занятием я и застал его.

– Отсюда до дороги десять шагов, – сказал я, присажива-
ясь рядом, – если всё пойдёт по первому плану, то полуторка,
входя в поворот, сбросит скорость, а так как впереди лужа,
то поедет на первой передаче. Тут-то мы водителя и приго-
лубим. При ином раскладе бутылку с зажигательной смесью
бросим. А для верности лучше две: на капот и в борт.

– А если не по плану? – поинтересовался Савелий.

– Тихо уйдём. Но лучше по плану.

К полудню мы добрались до места переправы, оставив у

стоящей на выселках кузни, в деревне Слобода пару-тройку советских газет. Брал я их сугубо для санитарно-гигиенических целей, да и костёр развести можно, но негодились. Теперь слобожане хоть сводку Совинформбюро узнают. Силантьевич оттолкнул лодку от берега, одновременно залезая в неё, а я, сделав пару гребков, доверился течению. Вскоре мы оказались на правой стороне. Сдули и упаковали «надувнушку», после чего обошли вверх по реке буерак, развалившийся яровый берег на две части, выходя на место исходной точки. Там я и выключил секундомер на часах. Получалось семь часов на передвижение, где-то минут сорок займёт организация засады, ну, и собственно сама акция – минут пять.

– Савелий Силантьевич, завтра в Мокрядино пойдём, – сказал я, пряча свёрнутую как матрац лодку в нору под кустом, – а перед походом потренироваться надо. Ты сколько груза на плечах нести сможешь, если лесом идти?

– Пуда два без остановки версты три пронесу, а что?

– Маловато, а если вдвоём?

– Шесть, может, семь пудов.

– Тогда справимся. Это на тот случай, если задумка удастся, то нам придётся трофеи переть.

В ответ Силантьевич плотоядно улыбнулся. Мол, не бойсь, коли добычу нести, то и расклад совсем не тот. Тут уже другие расчёты собственных сил: ноги сами несут, земля помогает, да святые, коли молитву прочесть – не оставят, подсобят.

Дойдя по полянки с берёзами, мы условились встретиться часа через три. Савелий должен был привести с собой трёх братьев из отряда местной самообороны, уже имеющих опыт в поджоге дома. С ними я и хотел провести тренировку. Мужики, со слов Савелия Силантьевича, были хоть куда. Орлы, одним словом. Надёжные, работающие, хозяйства имеют крепкие, а то, что в колхозе не на лучшем счету были – навет. Сыновья их в Красной Армии воюют, да и сами не робкого десятка, успели в своё время и винтовку в руках подержать, и кашу из солдатского котелка посёрбовать, что в принципе и спасло их семьи в двадцать восьмом от «раскулачивания»⁵. Этой троице отводилось выполнение второй части плана диверсии.

В условленный срок Савелий привёл людей. Не богатыри, но и не хлюпики. Причём, судя по свежим порезам на лицах, совсем недавно побрились. У одного на плече «фроловка», охотничий ремень с патронташем, остальные с охотничьими карабинами Мосина-Бердана, брюки заправлены в начищенные (где только ваксу нашли?) сапоги. Пиджаки явно старые, заштопанные. Про такие каждый год говорят: последний сезон и всё; но продолжают носить, пока нитки в труху не превратятся. Зато картузы! На околышах головных уборов красовались маленькие кусочки красной ленты. Не боятся нем-

⁵ Согласно Закону об обязательной военной службе от 1925 г., устанавливался ежегодный призыв в армию. В армию не призывали лиц эксплуататорских классов (детей бывших дворян, купцов, офицеров старой армии, священников, фабрикантов), казаков, кулаков.

цев, прав был Савелий.

– Знакомьтесь, мужики, – представил меня Савелий Силантьевич, – это и есть тот самый Алексей Николаевич. Вы всё спрашивали, когда мы германцу соли под хвост сыпанём? Сейчас узнаете.

Братья приободрились, даже подровнялись, изобразив подобие шеренги. Я подошёл к каждому и, отдавая честь, поздоровался за руку. Семён, Прокоп и Илья, представился каждый.

– Время громких слов прошло, – начал я, – пора действовать. Поэтому в Прилепово был организован партизанский отряд под командованием хорошо вам знакомого Савелия Силантьевича. Боевая задача для отряда следующая: под видом добровольного сотрудничества с оккупационным режимом совершать акты диверсий. Скажу прямо – задание у вас не самое лёгкое, это по меньшей мере. То, что жизни оно может стоить, надеюсь, объяснять смысла нет, не маленькие. При всём при том, выполнить его надо всенепременно. Русский мужик всегда был патриотом. Ему всегда было что защищать – землю, дом, веру, Отечество. Мы должны сделать так, чтобы у германских оккупантов земля горела под ногами, чтобы собаки фашистские не только ходить, но и дышать здесь не могли.

Не сказать, чтобы народ проникся, но и не стоял безмолвно, будто снопы на току, схваченные перевязлами.

– Мы-то завсегда. Делать-то чё? – поставил конкретный

вопрос Семён Силантьевич.

– Сегодня вы обучитесь обращаться с бутылкомётом. Сложного в нём ничего нет, да и принцип действия как у любого ружья, но некоторые навыки обращения с этим оружием нужно получить. Сейчас я его вам продемонстрирую.

Прилепчане с недоверием посмотрели на меня. Слишком уж не грозное название у оружия, да и бутылка не бомба. Как летом в сухую грозу: вроде и гром вдали гремит, а дождя всё нет; так и со слухами, лучше один раз увидеть. Посему, не издав и звука, терпеливо дождались, пока я вынес из леса одноствольное охотничье ружьё, с насаженным на дуло цилиндром.

– Это, – продолжил я, держа в руках оружие, – ружейная мортирка. Служит для метания бутылок с зажигательной смесью саженой на сорок. Снаряжается холостым патроном, без дробы или жакана. Вставляем в этот цилиндр обтюратор, по-русски – кружок из картона, прижимаем его плотно. После этого вкладываем бутылку, наводим на цель и стреляем. Бутылка летит, сталкивается с препятствием и разбивается. Сейчас каждый из вас попробует выстрелить бутылкой, наполненной простой водой. Савелий Силантьевич, можно ли воды сообразить? Пустые бутылки я привёз, да и ведро парусиновое есть...

– Илья, сходи к речке, – приказал Савелий, – набери ведра.

Вскоре состоялись первые стрельбы. «Огонь» вёлся по

стене коровника, где уже стояла «эмка». Бутылки с водой не долетали, либо наоборот, перелетев через крышу, падали в поле. Лишь с третьего или четвёртого раза, взяв правильно прицел и используя двойной обтюратор, братья сумели попасть по стене. «Боевой» бутылкой стреляли один раз и не по коровнику, а по яру противоположного берега. От горлышка и, не доходя пяти сантиметров до доньшка, нанесли насечку стеклорезом, для гарантии разрушения и в путь. Как лопнуло стекло, слышно не было, зато потом раздался хлопок, словно громко хлопнули в ладоши и ярко-белая вспышка с молочным дымом, превращаясь в оранжевый шар огня, сначала поднявшийся вверх, а затем медленно стекающий по глиняной круче к реке пополз в воду. Горело долго, а запах сероводорода вынудил отойти подальше. Собравшись вновь на полянке у трёх берёз, я рассказал план завтрашнего дня. Мы должны были выйти к Мокрядино, на то место, откуда я уже вёл наблюдение за караулом и подсовывал в поленницу газеты. Осмотревшись там и рассчитав по секундам все действия, можно было переходить к следующей фазе операции. Всё это прилепчане с успехом выполнили, даже подставку под бутылкомёт из поломанного ухвата сделали и припрятали, до начала диверсии.

Пятнадцатого сентября, в три часа мы сверили часы. Братья отправились в Мокрядино, а я с Савелием готовить засаду в Клинском лесу. Сегодня солнце проридалось сквозь дымку тумана, как спросонья. Белёсая тягучая влага долго

скрывала землю и небо на востоке, но оранжевый диск встретился, сбросил облачные оковы кучевых облаков, приподнялся над землёй, и тёплые солнечные лучи посеребрили росу, брызгами лежащую на траве. Казалось, что солнце будет светить весь день, но вскоре оно потускнело, и стало багрово-красным, словно предвещало какие-то страшные перемены в мирной жизни Клинского леса. Добравшись до места, мы ещё раз всё осмотрели. Лужа на лесной дороге, переливаясь радужным цветом, стала больше, затопив колеи. Она разлилась на всю ширину тракта, и отчётливого следа от телеги, когда я осматривал её в прошлый раз – не было. Зато появились от гусениц. Скорее всего, трактор или тягач проехал, да и масляные пятнышки, оставленные по пути следования, напомнили мне МТСовский «Сталинец» в довоенных Хиславичах. За ним такая же змейка шла. Перейдя дорогу, я воткнул два колышка, натянул верёвку из пластиковой бутылки и закрепил на дереве литровую банку, заполненную порохом и обклеенную рубленой арматурной проволокой. Достаточно было задеть шнур, как сработал бы тёрочный запал. Конечно, желательно до этого было не доводить, шум ни к чему, но лучше подстраховаться.

– Николаевич, – окликнул меня Савелий, когда я закончил с установкой растяжки, – идёт кто-то.

– Где?

– С Акулинок, дурень какой-то. Идёт и свистит, пацан бл...

Вот незадача. Сейчас в Мокрядино ребята должны караулку поджигать, и «свистун» как раз напорется на высланную подмогу. Жаль его, авось обойдётся. Сообразит, да спрячется.

— Силантьевич, ховаемся.

Мальчишка прошёл, не заметив нас. Рядом с лужей нагнулся у дерева и сорвал подосиновик, разглядел красноголового со всех сторон и, как заправский футболист, пнул гриб ногой. Видимо, червивый попался. Всё это сопровождалось насвистыванием:

Я, моряк, бывал повсюду,
Видел сотни разных рек.
Никогда я врать не буду,
Не такой я человек.

Когда парнишка скрылся за поворотом, Савелий бормотал под нос окончание песни, так художественно просвистанной незнакомцем. Что тут скажешь, я б и сам что-нибудь напел. Мандраж перед боем штука серьёзная, нервы мотает капитально. Нам же не слышно, что там в Мокрядино. Вдруг братьев поймали и сейчас идут искать нас, а мы тут такие, лежим тёпленькие в засаде и ни сном ни духом. А всё потому, что побоялся я рацию мужикам дать. Была подлая мыслишка, да не одна. До последнего сомневался в людях, а они перед тем, как на задание пошли, повязки белые с рукавов в карман и с красными лентами на картузах. Не будешь же им

вслед кричать: мол, постойте, есть у меня и оружие, не чета этому, да и многое... эх, крепки мы задним умом. Ничего, так только злости больше будет.

Минут через двадцать мы услышали шум машины. Рокот нарастал и вот-вот грузовик должен был показаться из-за поворота. Хоть обратный отсчёт давай, ну, наконец-то. Только ехала не полупортка. Чешская «Прага», ломая ветви, вынырнула и, покачиваясь как корова, блеснув приоткрытым лобовым стеклом, въехала в лужу, погрузившись чуть ли не до радиатора.

«Что ж так не везёт. Только б бутылка в ствол дерева не угодила», – пронеслось у меня в голове, и чиркнув тёркой коробка по сдвоенным спичкам, с криком:

– На, сука! – метнул бутылку в воздухозаборник капота.

Одновременно со мной бросал бутылку и Савелий. Тоже с криком, и по смыслу похожим, но не суть. «Прага» вспыхнула, как горка магния, таким нарастающим пламенем, когда кажется, что и не загорелось вовсе и пора повторить. Эти первые мгновения горения обманчивы, потому что, вырываясь на свободу, огонь загудел, стал охватывать кабину, тент, а из кузова раздались жуткие вопли. Я выглянул из-за дерева. Грузовик проехал метров пять после лужи и, развернувшись наискось дороги, чадил. Причём дым валил из-под тента как из трубы. Из кузова кто-то орал и звал на помощь. Водительская дверь была распахнута, а возле неё на карачках, пытаясь спасти лицо от ожога, немец хватал комья грязи и прижимал

к глазам, не замечая, как огонь бежит по спине. Спустя минуту водитель замер, продолжая гореть. Криков больше не было. Похоже, в машине ехали только два человека.

Вдруг из-под грузовика ухнуло, да так, что он чуть-чуть подпрыгнул, вслед за этим раздался ещё один взрыв, сорвавший тент. В воздухе засвистело, затрещало, от деревьев стала клочьями отлетать кора, а иные ветки начисто срезало.

– Савелий! Ходу! – крикнул я и ломанулся прочь от дороги.

За нашими спинами прозвучало ещё несколько хлопков, слабее предыдущих, но не менее опасных, так как слева от меня кустарник вмиг потерял половину листвы вместе с ветками. В грузовике везли боеприпасы, и что обидно, наверняка советские, так как машина шла от линии фронта в тыл. Такой подарок, а мы профукали. Я давно знал, что немцы в Барсуках хотели создать временный склад, для сортировки боеприпасов. Наподобие шаталовского, где женщины проверяли целостность патронов и набивали пулемётные ленты. Всё это добро возили в одно и то же время на трофейной полуторке, но к несчастью, именно в этот день её заменили на чешскую, и кто знает, что скрывалось под её тентом.

Вечером, когда мы собрались у трёх берёз, братья рассказали, как они подожгли караулку. Причём в назначенное время никак не получалось, выжидали, пока произойдёт смена постов и немцы усядутся завтракать. Хотели как лучше, чтоб не просто хата сгорела. Совпало это с взрывами, раздавши-

мися с противоположного берега, так что солдаты даже не поняли, что толком произошло. Одна бутылка легла с недолётом, у самой пленницы, зато две остальных угодили точно в крышу. Результаты деятельности они не видели, действовали строго по приказу – пальнули и отошли. Вот такая вышла партизанская война. А я-то думал, шороху наведём. Кабы всё из задуманного получалось, так немца до Москвы в жизнь бы не допустили, а поезда в тылу противника все до одного шли бы под откос. Жизнь преподносит такие реалии, которых ни в одной, даже самой мрачной сказке не встретишь.

* * *

На следующий день, где-то в начале десятого, в Прилепово из Починок приехал фельдфебель на бричке в сопровождении переводчика. Деревня давно пробудилась. Уже не скрипела деревянная бадья на длинном очепе колодца, уже не шлёпали почерневшими пятками по пыльным стёжкам, сгибаясь под коромыслами, неся воду бабоньки, уже отдавали последний дым затухающие печи, а луг отдыхал от свиста кос. Наступило время первого передыха, когда до полдника ещё далеко, а утро уже закончилось. Савелий Силантьевич в это время находился на другом конце деревни, в коровнике. Остановившись в центре у сожженного дома, фельдфебель решил размять ноги, пока переводчик побежал по хатам, вы-

яснять, где найти представителя администрации. Прогуливаясь, немец обратил внимание на дочку Савелия, занятую просушкой банок на штaketнике. Шёл сезон заготовки грибов и во дворе, в огромном чане кипела вода. Женщины занимались консервацией, посему и одеты были достаточно легко. Рассмотрев выступающие части девичьего тела через прилипшую к груди от влаги сорочку, немец облизнулся и, поманив пальцем, произнёс:

– Ком, фрау, ком.

Дочка у Савелия была бойкая, не по годам развита и необыкновенно красивая, но ещё слишком молода, чтобы понять, что от неё захотел немец. Хотя в пятнадцать лет все девочки не отличаются осторожностью. Это тот самый безответственный возраст, когда даже в лучшие времена родителям не удаётся спокойно уснуть по ночам. А тут такое. Прогноировав приглашение, она продолжала выставлять банки. Немец повторил фразу, настойчивей, уже приказывая. Решив, что её просто зовут, девушка подошла и вскрикнула, когда фельдфебель ухватил её за груди. В следующее мгновение она залепила охальнику звонкую затрещину, да так, что тот отшатнулся, но рук не убрал. Девушка ещё раз замахнулась. На стремительно приближающейся к её глазам побагровевшей физиономии появилась ухмылка, и это всё, что она успела увидеть, перед тем, как рухнула на траву. Заметив, что дочка лежит под забором, а немец рвёт на ней одежду, Серафима схватила висевший у двери рубель и с крика-

ми: «Рятуйте! Убивают!» побежала защищать ребёнка. К ней присоединились соседки, вооружившись кто чем горазд.

Когда Савелий Силантьевич вместе с переводчиком подошли к дому, всё уже закончилось. Фельдфебель валялся с разбитой, как скорлупа яйца, головой, Серафима обнимала ревущую дочь, а женщины причитали. Переводчик шагнул вперёд и резко отпрянул назад, упершись спиной в дуло револьвера, после чего позволил Савелию себя разоружить.

– Зря вы так, – бормотал переводчик, – напоили бы свинью эту самогоном, как везде, а я б повёз дальше. Что теперь делать будете? Повесят вас всех.

– Ты за себя думай, – поправил его Савелий, – не было вас здесь и все дела.

– Да я ваша единственная надежда, почитай, что привезли. В бричке лежит.

– Заткни пасть, мразь! Куда после нас ехать собирались?

– В Понтюховку. Дед, ты чего? Не бери греха на душу, я пригожусь. А хочешь, денег дам? У меня много. Только не убивайте, – заскулил переводчик.

«Не при бабах же», – подумал Савелий, а вслух произнёс:

– Варвара, не стой столбом, живо мешок да вожжи старые неси. Бабоньки! Ёпт! Чего стоим? Помогайте Варьке. А ты, – ловко пнув под коленку, от чего переводчик оказался на четвереньках, – если помереть не хочешь, руки за спину.

Как только женщины разбежались, Силантьевич от души вмазал рукоятью револьвера по макушке переводчика. Вско-

ре и Варвара с мешком поспела. Бабы вновь заголосили, но после звериного рыка смолкли. Связав и положив толмача рядом с убитым немцем, Савелий полез в бричку. Помимо автомата с дисковым магазином, который он видел один раз в жизни, мешка с харчами и самогонкой; в бричке лежал планшет, из которого был извлечён указ, напечатанный на русском и немецком языках.

«1. Кто укроет у себя красноармейца или партизана, или снабдит его продуктами, или чем-либо поможет (сообщив ему, например, какие-нибудь сведения), тот карается смертной казнью через повешение...

2. В случае если будет произведено нападение, взрыв или иное повреждение каких-нибудь сооружений германских войск, как-то: полотна железной дороги, проводов и т. д., то виновные, начиная с 16 сентября 1941 года, в назидание другим будут повешены на месте преступления. В случае если же виновных не удастся немедленно обнаружить, то из населения будут взяты заложники. Заложников этих повесят, если в течение 24 часов не удастся захватить виновных, заподозренных в совершении злодеяния».

«Так вот о чём переводчик балакал», – подумал Силантьевич, пробегая глазами по тексту. Действовать предстояло немедленно. Набрав ведро воды из колодца, Савелий засунул голову переводчика в воду и держал его, пока тот не перестал подавать признаков жизни. После этого он снял с его головы мешок, распутал вожжи и сунул пистолет в кобу-

ру. Из мешка с харчами извлекли самогон, облили спиртным трупы, оставив на самом доньшке, и закупорили пробкой, засунув немцу за пазуху. Убитых перенесли в бричку, привязав на козлах переводчика, а Силантьевич, нацепив на рукав белую повязку, с ружьём на плече, повёл повозку в сторону Тростянки. Не доезжая до моста, Савелий вложил в руки переводчика вожжи, словно он управляет транспортом, вынул шпингалет, державший колесо на оси, заменив его щепкой и, дождавшись, когда со стороны соседней деревни пройдут люди, потянул коня на мост. Где-то на середине бричка остановилась, колесо перекосилось и слетело, а за ним накренилась и она сама. Трупы скатились, Савелий немного подтолкнул и, когда они упали в речку, стеганул вожжами по крупу коня. Лошадь заржала, дёрнулась и, испуганно ощутив, что тянуть стало тяжелее, понеслась из-за всех сил, волоча за собой бричку. Со стороны это выглядело как несчастный случай. Нашлись и свидетели, когда в Тростянку прибыла тайная полевая полиция. Хотя следствие велось на скорую руку (фельдфебель был уличён в пьянстве неоднократно), нервы Савелию Силантьевичу испортили основательно. Со дна реки, благо не глубоко, усилиями местных жителей подняли тело переводчика, зацепился за корягу, а вот немца не нашли. Течением, видать, унесло. Единственному выжившему участнику событий пришлось чуть ли не поминутно рассказывать о своих действиях. Поведать, как переводчик предложил ехать за самогонкой, а еле стоящий на но-

гах фельдфебель пальцем указал, в какую сторону. Как Савелий Силантьевич отговаривал от вояжа, предлагал послать гонца, но всё без толку. Когда же в конце беседы он задал вопрос, что делать с продуктовым пайком, собранным прилепчанами для «офицера», фельдполицай, звания такого не имевший, на лесть ответил улыбкой и живо заинтересовался содержимым мешка. Пока шёл процесс сортировки съестных припасов, Силантьевич упросил оставить при нём безхозную лошадь, якобы получившую травму и для военных нужд уже не годную, разве только на колбасу пустить. Оказалось, возможно, если отдать взамен эту самую колбасу или что-то иное. К пайку прибавился пакет с китайским чаем, от которого следователь пришёл в неопиcуемый восторг, пропустив мимо ушей историю его появления в деревне. В итоге следственных мероприятий во всём обвинили переводчика, халатно отнёсшегося к вверенной ему технике, а мысли старосты, на предмет того, что толмач умышленно подпортил бричку – были внесены в протокол. Однако про мост не забыли, и через пару дней Савелию Силантьевичу было поручено организовать его охрану силами своих людей, для исполнения чего старосте Прилепово выделили аж четыре винтовки. Такое доверие было оказано вследствие несущественной значимости гидротехнического сооружения. Военных грузов через мост не переправлялось, следовательно, и постов немецких на нём не было. Сказано – сделано. Савелий выставил временную охрану и написал на имя Ржецко-

го прошение, с просьбой предоставить четырех человек. А дабы не отрывать от службы в районной управе и без того занятых людей, внёс предложение поискать необходимый контингент среди военнопленных в Шаталовском лагере. К прошению прилагался список лиц, ярых борцов с советской властью, насильно призванных в Красную Армию, имеющих «родственное» отношение к прилепчанам. Этот список Савелий Силантьевич получил от меня. Младшего лейтенанта Васю, всё ещё с высокой температурой, но уже шедшего на поправку, я расспросил о знакомых по лагерю. Интересовали, прежде всего, надёжные, готовые вновь взяться за оружие люди. Фамилий я записал с три десятка, а также вызнал про Фёдора Савченкова, бывшего до войны агрономом, но представившегося лагерному начальству врачом и организовавшего что-то вроде подпольного комитета. После мы ещё раз прошлись по списку, выбрав четверых. Ржецкий прошение подписал и, получив резолюцию Долермана, отправился в Шаталово. Вместе с ним поехал и Савелий, взявший с собой традиционные подарки. Пока отбирали пленных красноармейцев, Силантьевич стал жаловаться на боли в боку. Помощник коменданта лагеря, приняв спиртовое подношение, посоветовал обратиться к русскому врачу Савченкову, пользующемуся авторитетом у местного населения. Оккупанты разрешили ему вести приём местных жителей по воскресеньям в помещении старой бани в деревне Алексино, под наблюдением конвоира из поволжских немцев. Выбирать не

приходилось, с врачами было туго, и Савелий Силантьевич согласился.

По дороге, пока он добирался из Алексино в Шаталово, думалось о многом, но никак не ожидал услышать столь простого объяснения в волнующем для себя вопросе от старого деда, что повстречался ему у бани на лавочке. В конце концов, если говорить честно, мало кто из выдавших жизнь людей верил в то, что писали о войне в последнее время, особенно после тридцать девятого года, когда немцы оккупировали Польшу и вплотную подошли к советской границе. Даже не столь уж осведомлённым людям было ясно – аппетит приходит во время еды. Однако накануне войны вышли газеты, да и радио об этом вещало, с опровержением ТАСС, которые вновь убеждали неверующих, что Германия, опять же, неуклонно сохраняет условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз. Блажен, кто верует. Потом, правда, некоторые объясняли, мол, для большой политики, или, как сказал старик Афанасий, для международного этикета. Однако издавна считалось: где много этикета, там мало искренности, ибо от волков, кроме задранных овец, ничего ожидать не приходится. А фашисты – те же волки. Об этом хорошо знал и Савелий, хотя он и понимал, что в политике расход с барышом не всегда в одной телеге едут. Иногда и сбрехнуть надо, вот только как-то неправильно всё это выглядело. Слишком дорого для русского народа стали эти политесы. И после того, как отгремел гром, а пе-

рекреститься стало уже некому, у людей будто языки развязались. Порой даже казалось, что говорили теперь почти одно и то же: «Обосрались в Кремле, перехитрил Гитлер Сталина»; и скрытые недоброжелатели, если не враги, которые действительно ждали с приходом германцев избавления от комиссаров, и люди честные, которых волновало и беспокоило то, что происходит в стране. Но во всей этой говорильне, справедливой и несправедливой, было нечто такое, что заставляло призадуматься: видимо, не всему и не всегда стоило верить, так как у каждого правда – своя. Возле бани, дожидаясь своей очереди, сидели пара женщин и одноногий дедок, заставший ещё Александра Освободителя. Силантьевич поздоровался, достал из перекинутой через плечо сумки кулёк с семечками, угостил дам, с дедом поделился табаком и завёл разговор ни о чём: о погоде, о природе. Проронив между прочим:

– Как жить-то дальше?

– Как и завсегда, – пожал плечами дедок, – комиссары ушли, снова начнём жить да работать себе помаленьку.

– А как же германец? – удивляясь такому прямому ответу, уточнил Савелий.

– А шо германец? Я ж про что гутарю – сколько их тут? Ну хорошо, у нас их тут цельная рота на постое. Жрут, срут, да скоро уйдут. А так, ежели одного на деревню оставят, а то, могёт, и на цельный сельсовет; что он нам тогда? Как было, так и буде. Это колхоз можно разогнать, а с мужиком ничё

сделать нельзя. Мужик... – дедок на секунду задумался, – как тот солдат. Его не разжалуешь в чине. Некуда далее, опора он. Ну, а без колхоза и выкрестов этих, «кагановичей» – мы и раньше жили. Нам тут, при огороде, да с коровкой всегда можно было жить.

– Без колхоза жили, твоя правда. А вот под германцем, сдаётся, ещё не пробовали. Как бы ни ободрал германец мужика как липку?

– Под красными вытерпели, знать и под германцем стерпим. Главное нонче переждать. Как в великое половодье. Только по сторонам смотреть успевай, чтоб самого куда-нибудь не снесло, – старик показал на отсутствующую ногу. – А там, через недельку-другую, глядишь, тишь да благодать. Водица спала, всё на месте; ежели, известно, оно крепко стояло на том месте. Понял, о чём я гутарю?

– Понял. Понял я, что один хрен тебе, кто землю нашу топчет. Германец уже на Москву замахнулся, а ты всё переждать хочешь. Как оно там выйдет, чья возьмёт?

– Дурень ты, хоть вроде и в годах уже, – обиделся дед. – Москва, она как приманка в мышеловке. С войной на Москву испокон века ходили. И поляки, и французы, кого только не было. И шо? Германец как тот пёс, никогда блинов не пёк – тестом ел. Пока мужик жив – Русь не победить. Ни германцам, ни комиссарам. Вот о чём я гутарил.

В это время из бани вышла бабка, перекрестилась, сказала: «Думала, помру», и в сопровождении деда направилась в

сторону стоявших не遠далеке изб. Через дверь донеслось:

– Следующий.

Сидевшая с краю женщина встала, оправила платок и зашла внутрь.

– Тебя как звать, дочка? – спросил Силантьевич у оставшейся молодухи, пытаясь вспомнить, где он уже видел такие запоминающиеся глаза, и вспомнил.

– Катя Семёновна, – ответила собеседница.

– Комсомолка, небось? Не отвечай, сиди тихо. Я ж батьку твоего знаю, Синайко Семёна. Служили мы вместе. Дочка у него вроде учителем географии стала, в город перебралась.

– А вам какое дело? – с испугом в голосе.

– Есть дело. Ты уж поверь мне, – понижая голос до шёпота, – помощь твоя нужна. Ну, так как, комсомолка Катя Семёновна?

– Да что вам надо от меня? Обознались вы, – тихим голосом.

– Не, дочка. Глаз у меня намётанный. Значит так, сейчас зайдёшь в баню и скажешь Фёдору, – видя недоумение, пояснил: – Савченков который, ну, врач. Скажешь, что у тебя болит внизу живота, мол, по женской части.

– Зачем это?

– Затем, дурёха, чтобы конвоир вышел. Тебе при постороннем раздеваться стыдно, поняла?

– Поняла.

– Передай врачу лекарства, там, на кульке написано, от

чего порошки, и записку с картой.

– А сами чего не передадите?

– Ты ж вроде учительница, а слушаешь невнимательно.

– А, извините. Я про немца в бане запамятовала. Давайте кулёк, что мне, передать сложно?

Минут через десять Катя Синайко зашла на приём, и вскоре оттуда вышел недовольный конвоир. Савелий тут же вытащил из кармана початую пачку сигарет и, произнеся: «Битте», – протянул их немцу. Конвоир отрицательно покачал головой, мол, не курящий, но потом сообразил и забрал всю пачку себе. Поправив на плече винтовку, немец постоял некоторое время и стал пристраиваться к крошечному окошку, дабы подсмотреть, что ж такого интересного происходит внутри. Допустить такого поворота событий Савелий не мог. Громко кашлянув, привлекая к себе внимание, Силантьевич ввёл в бой «последний козырь». Из сумки появилась половина варёной курицы. Устоять от такого соблазна конвоир не смог. Присев рядышком, он с жадностью впился зубами в мясо, закатив глаза от удовольствия. Это вам не картошку с гороховой колбасой каждый день уминать, а на баб голых можно и в другой раз посмотреть.

– Гуд хенне, гуд, – пробурчал с набитым ртом немец.

«Конечно, гуд, – подумал про себя Савелий, – где только Николаевич таких откормленных кур берёт? Видано ли, четверть пуда живого веса. А германец-то, падла, жрёт за двоих, аж за ушами трещит».

Тем временем немец обглодал последнюю косточку и, спрятав не съеденную грудку в сухарную сумку, оказался на ногах. В окошко он заглянул, но было уже поздно.

— Следующий, — раздался голос из бани, с одновременным появлением в дверном проёме Екатерины.

Осмотр «больного» Савелия Силантьевича затянулся на четверть часа. Савченко прослушивал пульс, смотрел зрачки, просил показать язык и даже прощупал область печени. Спасти пациента, по мнению «врача», могли только минеральные воды, полный отказ от самогона и поездка на курорты Крыма. Да, ещё не мешало приехать на приём через недельку, так как постоянное наблюдение у доктора есть залог успеха в лечении, с чем Савелий полностью согласился. В процессе обследования Савелий Силантьевич назвал фамилию помощника коменданта, который в этот момент отбирает для него людей и, получив отрицательный ответ с некоторыми дополнениями, понял, что совершил ошибку.

Выйдя на воздух, ускоренным шагом Савелий пошёл в Шаталово. Половина дела была сделана. На переданной карте было отмечено место закладки для будущих беглецов, с указанием маршрута и точкой сбора. Оставалось передать оружие, но как это было осуществить в сложившейся ситуации, Силантьевич не представлял. Младший лейтенант всё напутал. Было два лагеря, хоть и расположенных неподалёку, но всё же разных. Один разместился в центре Шаталово, а второй, откуда бежал Вася, находился рядом с Алексино.

Они с Ржецким искали людей не в том лагере, следовательно, четверо новобранцев-полицаев будут, скорее всего, отъявленными негодяями, раз согласятся пойти на службу оккупантам. Пользы от них – никакой, а значит, и забирать нельзя. Успеть бы предупредить Евгения Владимировича, пока тот дров не наломал. Савелий успел. Войдя в административный барак, он заметил Ржецкого, который как раз сличал списки военнопленных, пытаясь отыскать нужных людей и, не найдя их в очередной раз, чуть было не согласился забрать первых попавшихся.

– Нет этих людей здесь, Савелий Силантьевич, – сказал Ржецкий, – предлагают забрать активистов.

– Мне активисты без надобности, – глотая слова, запыхавшись, возразил Савелий. – Я тут прознал, что родственников содержат в соседнем лагере. Будь добр, спроси у коменданта, можно ли нам туда? В долгу не останусь. Коли подсобит, ведро самогона привезу.

Ржецкий перевёл. Помощник коменданта согласился и написал сопроводительную записку для какого-то Ганса, занимавшему в Алексинском лагере аналогичную должность.

Из Алексина они выехали под вечер. Пришлось ждать, когда прибудут высланные на работу военнопленные. Фамилии четверых красноармейцев совпали со списком, и Савелий отдал Гансу свои часы с боем. Как ни жалко было расставаться с подарком супруги, но жизни ребят всяк стоили дороже.

Пока Савелий Силантьевич пополнял свой партизанский отряд, я, нагруженный как мул, с привязанной к поясу тележкой пёр необходимые для закладки припасы. Путь мой лежал в одно интересное и, я бы даже сказал, историческое место. В середине воображаемого треугольника, приняв за вершины деревни: Митюли, Шимановка и Зимницы; ещё до революции, по распоряжению Энгельгардта была построена охотничья заимка. Одно время там даже жил егерь с дочкой и внуком, но вначале двадцатых избу наполовину сожгли, когда ликвидировали один из отрядов братьев Жигаловых. Бой был настолько кровавый, что только раненых вывезли четыре телеги. С тех пор заимка напоминает груды почерневших, обваленных брёвен, за исключением ледника. Ледник, эта такая маленькая землянка, как домик гнома, стоящая метрах в десяти от пепелища, изрядно заросшая кустарником, но не потерявшая своего основного назначения. Возведён сей объект был на совесть: с ледяной камерой, водотводом, вентиляцией, с песочком, в общем, как положено. Там у меня располагался основной склад, заполненный всякой всячиной. Постоянная температура в четыре-пять градусов, даже в знойное лето, вполне достаточна для сохранности продуктов, а уж тем более для консервов.

Добравшись до места, я стал сортировать вещевые мешки. В каждый сидор вошли по две банки тушёнки, галеты, пачка чая, мешочки с солью, сахаром и гречкой, уложенные в солдатский котелок, упаковка табака, тятка, ложка, складной

нож, спички и фляжка с водой. Помимо этого в набор входили бритвенные, гигиенические и санитарные принадлежности. К сидору пристёгивался смотанный в скатку дождевик. По крайней мере, нацепив на себя этот плащ, беглый красноармеец уже не так бросался в глаза в своей военной форме, да и всё теплее, чем в одной гимнастёрке. Всего вышло дюжина комплектов. Ещё один сидор (командирский), помимо обычного набора, был укомплектован мелкомасштабной картой, блокнотом с карандашами, биноклем, фонариком с механической подзарядкой, флягой со спиртом, часами и универсальными компасом с термометром. Вроде бы всё. Даты и маркировка уничтожены, вот только светодиодные лампочки и начинка фонарика, но тут риск минимальный. Не думаю, что кому-то взбредёт в голову без маленькой крестообразной отвёртки разбирать фонарик. Забот у беглецов и без того хватает, не до баловства им будет. Посыпав вокруг ледника смесью, не способствующей собачьему обонянию, я запрятал мешки под обвалившимися брёвнами с северной стороны заимки, как было отмечено на карте, переданной «врачу». При желании и чуточки хотения найти не сложно. Пора обратно, а то усталость брала своё. Признаться, не рассчитал вес, и хоть в обратную сторону двигался порожняком, всё равно замаялся до такой степени, что к хутору Афанасия я вышел немного с непривычной стороны. Сам даже не ожидал, как такое случилось, а посему хорошо запомнившееся ориентиры смог осмотреть с другого бока,

что оказалось весьма полезным. С краю опушки появилась скирда сена, причём трава у леса и склона к реке осталась, не скошена, как будто не успели. Это выглядело странно. Луговое разнотравье для животины – как торт для сладкоежки. Не мог крестьянин так поступить, тем более с каждым днём трава теряет свои питательные свойства. Либо что-то срочное отвлекло от работы, либо коса сломалась. Подойдя к калитке, я окликнул хозяина. Ответил пёс Полкан, причём не особо усердно. Вскоре из избы появилась Евдокия, почему-то опирающаяся на самодельные костыли и закутанная в невероятное количество платков. Она и выдала мне последние новости: всех жителей района, невзирая на возраст, привлекли на уборку и обмолот урожая. И это, с её слов, женщины крупно повезло (показывая на костыли). Из Тростянки, на сбор льнотресты, в поле выгнали не только малолетних, но и баб с грудничками. Хаты пустуют, скотина воет. Отпускать домой разрешили только ночью, а попробуй с Васьково доберись? С трудом передвигающиеся старухи едва успевают сдаивать молоко, а вскоре озимые сеять, и что будет – никто не знает. Хутор не деревня, присмотреть за хозяйством некому. Вследствие этого и пришлось пойти на хитрость, прикинуться больной. Посочувствовав, я просил передавать Афанасию, как появится, туристическую тележку и, пока растёгивал крепления, размышлял.

«Собирать урожай надо, – подумал я, – а вот кто им распорядится? Про тресту можно забыть, но никак не про пше-

ницу. Лишняя булка в рационе у немецкого солдата добавит ему сил, чего допустить нельзя».

Отметив для себя, выяснить у Савелия Силантьевича, на какой элеватор будут свозить зерно, я почувствовал чей-то взгляд. Смотрели из леса, как раз из того места, откуда я появился. Недружелюбно так, как на врага. Резко присев, будто рубль у изгороди нашёл, я уловил какой-то блеск. Солнечный зайчик пускает не только стекло, но и отполированное дерево оружия. Именно оружие, хоть мне могло и показаться. Не разгибаясь, я сместился чуть в сторону, таким образом, чтобы плетень закрыл меня от чащи.

– Потерял чего? – спросила Евдокия.

– Так, мелочь. Скажи, мать, ничего странного не замечала? Например, с огорода что-то пропало, али пёс вдруг лаять на лес принялся?

– Слава богу, на месте всё. А Полкаша стар уже, обленился. Лишний раз носа из будки не высунет.

Громко попрощавшись, я направился в сторону Тростянки и, пройдя шагов двести, через небольшой овражек стал возвращаться назад. Время беспокойное, да и на душе как-то тревожно. Добравшись практически до самого леса, где уже началась молодая поросль с кустарником, я снял с себя дождевик и вывернул наизнанку. Удобный у меня плащ, на все случаи жизни. Теперь на мне подобие «лохматки». Не то чтобы настоящий объёмный «три-дэ» камуфляж, но где-то близко к этому. Устроившись почти на склоне оврага, я

стал наблюдать. Из леса никто не выходил, зато вылезли из копны сена, а спустя минуту появился и ещё один персонаж, Афанасий. Он остановился возле своей жены и о чём-то спорил, жестикулируя руками. Тем временем человек из стога сена подошёл к ним вплотную. Одетый в маскировочную накидку, с автоматом на груди, он что-то коротко сказал спорщикам, после чего жестикуляция Афанасия прекратилась, а Евдокия демонстративно повернулась к нему спиной, прислонив костыли к изгороди. Человек с автоматом приложил руку к ремню с подсумком, извлёк зеркальце и послал три «зайчика» в сторону леса. Из-за деревьев появились трое. Двое из них несли на самодельных носилках, накрытых брезентом, какую-то тяжесть, а замыкающий, заметно отставая, пёр на плечах пару ящиков. Брезент с носилок сполз с одного края, но не оголил содержимого поклажи.

Интересно, что ж они там несут? А ведь появились они почти с той стороны, откуда минут сорок назад вышел и я. Вроде прислушивался, по сторонам смотрел, а никого не заметил. Что значит, расслабился, сноровку потерял или всё же опередил их? Стоп, появился ещё один, с ручным пулемётом. Понятно, пятый прикрывает группу. Прихрамывает, остановился, смотрит как раз на склон оврага, где я лежу. Нет, братец, я на возвышенности, ты хоть подпрыгни, а не увидишь. Обожду ещё немного.

Вскоре печная труба над хутором задымила. Из избы в пристройку пару раз выходила Евдокия, неся в дом что-то

в подоле. Насколько я помнил, там стояла корова, а за отгородкой была курсадня. Кур было немного, с десятков, но неслись они хорошо. Наверняка бойцам что-нибудь перепадёт. Как раз за обедом и поговорим. Я отполз, снял плащ и снова придал ему «гражданский» вид. Винтовку на грудь, световую гранату в рукав. Теперь можно идти знакомиться.

Подойдя к калитке, я остановился, залаял Полкан, сдал меня, зараза. В избе слышались голоса, что-то упало с металлическим звоном.

– Евдокия, это снова я! – нарочито громко произнёс я.

– Чего надобно? – раздалось из окошка.

– Шоколада, блин! Мать, кончай комедию ломать. Я знаю, что Афанасий дома. Дело у меня.

Из-за приоткрытой двери высунулся дед. Запахло шкварками. Пёс залаял ещё громче, то ли запах съестного почуял, то ли перед хозяином себя показать решил.

– Николаевич, ты? А я-то слышу, знакомый голос. Заходи. Понимаешь... Полкан, твою через коромысло, замолкни.

Пёс лаять перестал и скрылся в будке. Я открыл калитку и медленно подошёл к избе.

– Доброго дня, дед Афанасий. Вот, проходил мимо, думаю, дай навещу. Слышал, что в округе творится?

– Слышал, как не слышать. Присаживайся, Николаевич, – указывая на широкую доску, положенную на завалинке, – пока Дунька яичницу зажарит, мы и погутарить успеем.

Присев, я достал из кармана кисет и стал набивать трубку

табаком, после чего протянул мешочек Афанасию.

– Ты ж раньше трубку не курил, али я запамятовал? Пахнет странно, табачок ли это?

– Самый что ни есть настоящий, только «фруктовый». Сам готовил. Тут подсушенная кожура айвы, немного кураги, ванили, даже чернослив есть.

– Ить, газетку бы... Дуня, ай, сам схожу.

– Афанасий, ты как бумажку возьмёшь, командира с собой позови.

– Ага. Что?

– Да знаю я всё. Видел, как к тебе на хутор с поклажей пришли.

Дед замер перед полуоткрытой дверью, скрипнул зубами. Мало того, что в его возрасте врать пришлось, так ещё опозорился. Гость со всем уважением, подсказывает, мол, не надо плутовать, а он ему голову морочить собрался.

– Николаевич, ну, ты пойми меня...

– Всё нормально. Я ж не зря спросил, слышал ли ты, что в округе творится? Война идёт, значит, и военная тайна есть. Правильно вы с Евдокией всё сделали. Зови командира, хватит ему под окном за стенкой сидеть, да к каждому слову прислушиваться.

– А я и не прислушиваюсь, – в дверном проёме появился хромающий пулемётчик, направив на меня сопло пламегасителя «дегтяря», и сделав шаг вперёд, оставляя деда за спиной, громко добавил: – Руки на виду, чтоб я видел.

Боковым зрением я заметил, как из-за угла дома высунулся автоматчик в камуфлированной накидке, который сидел в стоге сена. Грамотно, с направленным на меня оружием, готовый в любую секунду дать очередь и спрятаться обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.